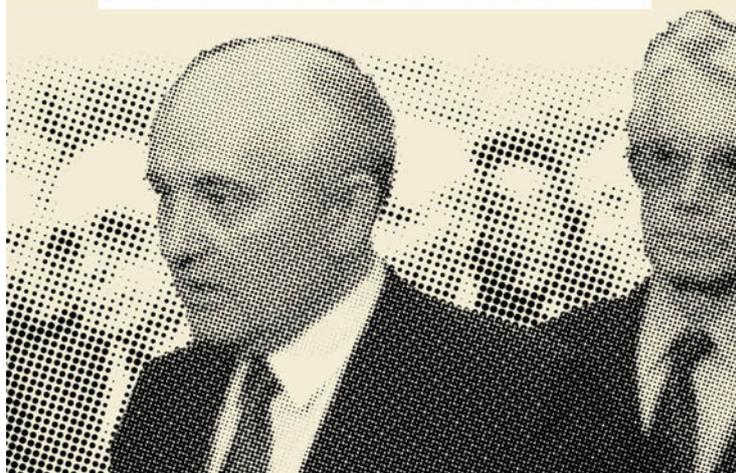

ЛЕГЕНДАРНЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
МЕМОАРЫ

ВАДИМ
МЕДВЕДЕВ

**В КОМАНДЕ
ГОРБАЧЁВА**

Вадим Андреевич Медведев
В команде Горбачева
Серия «Легендарные политические мемуары»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6896772
В команде Горбачева / В.А. Медведев.: Былина; Москва; 2016
ISBN 978-5-906842-00-8

Аннотация

Автор этой книги Вадим Андреевич Медведев работал вместе с Горбачевым все годы «перестройки», был членом Политбюро, председателем Идеологической комиссии ЦК КПСС. Входил в ближайшее окружение М.С. Горбачёва.

В своих воспоминаниях В.А. Медведев рассказывает о М.С. Горбачеве и событиях «перестройки» – от ее зарождения, когда только формировались основные идеи, до «удара в спину» в августе 1991 года, приведшего к смене власти в стране и развалу Советского Союза. В книге показаны не только политика Горбачева, но и жаркие споры в его ближайшем окружении, полемика с консервативными и радикальными силами. Отдельное влияние уделяется личности Михаила Горбачева, который предстает на страницах этих воспоминаний в новом, порой неожиданном виде.

Содержание

Андропов – предтеча перестройки?	4
«Эмбриональный период»	10
Горбачев приходит к рулю	16
«Бунт Ельцина»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Вадим Медведев В команде Горбачева

Андропов – предтеча перестройки?

Зачем затеяли всю эту передрыгу с перестройкой? Жили не очень-то хорошо, но и не очень плохо, не богато, но и небедственно; политически и в смысле отношений между нациями и народами небезоблачно, но и без серьезных конфликтов. Так вот на тебе – все разворовали, разворотили, посеяли анархию и смуту, привели экономику к полному расстройству, а страну – к фактическому развалу.

Такие настроения после мучительных поисков, бурного и противоречивого развития событий, встряхнувших страну и выведших ее из привычного состояния, резкого нарастания экономических неурядиц, обострения социальных и межнациональных конфликтов довольно широко распространились в массовом бытовом сознании. Но есть попытки и возвести их в своего рода теорию, – в этом смысле важно и даже необходимо еще и еще раз возвращаться к истокам перестроечных идей, причинам, вызвавшим их появление.

Невиданно быстрый и активный положительный отклик на эти идеи в народе говорит об их назревшем характере, о том, что они выразили глубинные пласты настроений людей, спонтанное мнение народа – так дальше жить нельзя.

За всем этим стоит несомненный факт: страна в 70-е годы вползала в полосу торможения и упадка – как результат общего кризиса всей сложившейся ранее общественно-политической и социально-экономической системы. Сейчас это совершенно ясно для каждого.

Но и тогда нарастало сознание неблагополучия. Восьмая пятилетка (1966–1971 гг.) была, пожалуй, последним успешным периодом социально-экономического развития страны. Темпы экономического развития под влиянием хозяйственной реформы 60-х годов, более или менее благоприятных внешнеэкономических факторов оказались даже несколько выше, чем в предшествующие годы. Осуществлены и многие важные социальные меры, в частности, развернуто жилищное строительство.

В дальнейшем экономическое развитие стало быстро и неуклонно ухудшаться. Два последующих пятилетних плана, включая их социальные программы, оказались сорванными. До поры до времени экономическая конъюнктура поддерживалась высокими мировыми ценами на топливно-энергетические и сырьевые ресурсы. Страна в значительной степени жила за счет растранижирования своих природных богатств. В отличие от стран Запада она не только не пострадала от энергетического кризиса и революции цен на энергоресурсы, а напротив, выиграла от них. Но в 80-е годы и этот фактор исчерпал себя. Наступил период стагнации, который шаг за шагом подвел к черте, за которой началось абсолютное снижение производства. Лишь один сектор экономики постоянно пребывал в цветущем состоянии – это военно-промышленный комплекс. Страна изнывала под гнетом непосильного бремени военных расходов.

На словах громогласно провозглашалось «все во имя человека, все для блага человека», а на деле острота социальных проблем нарастала.

Это относится прежде всего к продовольственному вопросу. Каждый год вели «битву за урожай», но положение на продовольственном рынке независимо от размера урожая не улучшалось.

Десятилетиями люди обречены были на пустые прилавки и длинные очереди. В убогом состоянии пребывало производство потребительских товаров, сферы услуг, досуга, отдыха.

Все это находилось в резком контрасте с экономическим процветанием западных стран. Сопоставление с Западом уже нельзя было скрыть за «железным занавесом». Люди все чаще задавали себе вопрос, почему же страна с самым передовым общественным строем, как это постоянно подчеркивалось, провозглашающая к тому же приоритет человека, не может в течение долгих лет решить даже элементарные вопросы жизни людей, не говоря уж о выходе на новый, современный, качественно иной уровень благосостояния?

Более того, советское общество стало быстро терять позиции и в тех сферах, в которых оно на прежних этапах продемонстрировало свои огромные возможности. Речь идет о сфере образования, науки, социального обслуживания населения. Оказалось, что и здесь мы начинаем безнадежно отставать. Перестала срабатывать и прежняя система аргументации, что, дескать, нам пришлось на предшествующих этапах преодолевать исторически сложившееся отставание. Ведь в ряде новых областей науки и техники (вычислительная техника, ядерная энергетика, космическая техника) мы вначале не так уж сильно отставали, а во многих отношениях были даже впереди.

Еще одна чрезвычайно чувствительная область, в которой проявился общий кризис системы, – это права и свободы человека, особенно на фоне большого их продвижения вперед в западных странах. Все более очевидным стало расхождение между нашими внутренними порядками и общепризнанными нормами международного права. Нельзя сказать, что было широкое недовольство и тем более возмущение преследованием инакомыслящих и диссидентов, ограничением свободы печати, других гражданских прав. Но подспудно и в этой сфере росли непонимание, недовольство существующими порядками.

* * *

Гнетущее чувство вызывали облик престарелых, немощных руководителей, обстановка славословия и словоблудия, щедрые раздачи орденов и самонаграждения. Сложилось правление геронтократии, цепко державшейся за свои кресла. Ее олицетворяли прежде всего Брежнев, Тихонов, Кириленко, Гришин – личности посредственные, ничем не выдающиеся, кроме умения лавировать, поддерживать себе подобных и получать у них поддержку. Что касается Суслова, Устинова, Громыко, Андропова, то и их «стабильность руководства» устраивала, поскольку гарантировала невмешательство в подчиненные им «вотчины». Сформировался слой всемогущих республиканских и областных руководителей, своего рода партийных губернаторов, черпающих силу на местах из близости и верноподданнического служения Генсеку: Кунаев, Алиев, Рашидов, Щербицкий, Шакиров, Медунов, Горячев, Георгиев, Юнак, Гудков, Бондаренко, Куличенко, Бородины – астраханский и кустанайский, Лощенков и многие другие.

Так или иначе в общество проникали сведения и о моральном разложении некоторых из этих лиц, нарушениях законности, безнаказанности. Многие честные люди, не изверившиеся в системе, склонны были объяснять подобные факты недостатками кадровой работы, но постепенно все более и более вызревало понимание, что дело тут не только в этом, а в сложившейся системе власти и управления.

Практически руководители были полностью ограждены от контроля снизу – не только со стороны народа, но и партийных организаций. Хотя формально они избирались на конференциях и пленумах партийных комитетов, эта процедура была настолько выхолощена, что практически гарантировала избрание при одном лишь условии – было бы одобрение сверху. Лишь в самых исключительных и крайних случаях система давала какие-то осечки.

В течение десятилетий в стране складывалась психология почитания вождей. Она так и не была искоренена в результате критики культа личности Сталина. Да, пожалуй, подобная цель и не преследовалась. Речь шла по большей части об оценке личных качеств этого вождя.

Но если Н.С.Хрущев пользовался как неординарная личность и уважением, и популярностью, то этого никак нельзя сказать о Брежневе. К концу же своей жизни и деятельности, перейдя за разумные возрастные пределы, он стал объектом иронии и даже насмешек – а это самое страшное для человека вообще, не говоря уж о политическом деятеле.

Маразм руководства достиг своего апогея при Черненко, который не обладал элементарными качествами политического деятеля, и к тому же стал Генсеком будучи безнадежно больным.

С помощью жесткой дисциплины, искусственных пропагандистских приемов, которые, впрочем, не воспринимались в народе и давали лишь внешний пропагандистский эффект, государственный корабль кое-как поддерживался на плаву, но динамизм и скорость утратил. Страна шла навстречу большой беде.

Конечно, сознание глубины кризиса пришло не сразу. Лишь в ходе перестройки стало ясно, что политическая и социально-экономическая система, мобилизационная модель общества, которая была заложена еще в предвоенные годы и в основе своей сохранялась до последнего времени, позволяла, хотя и не без издержек, решать экстраординарные задачи индустриализации, обороны страны, оказалась совершенно непригодной для вхождения в постиндустриальную эпоху.

В отличие от западного капитализма, который сумел трансформироваться и адаптироваться к новым условиям и открыл тем самым простор для перехода к новой цивилизации, советская административно-командная система, называвшая себя социалистической, искусственно консервировалась. Отдельные попытки ее реформирования оказались робкими, непоследовательными и не доводились до конца.

Долго такое состояние сохраняться не могло. Усредненному благополучию неизбежно пришел бы конец. Рано или поздно, максимум через пять лет, это привело бы к взрыву колоссальной силы.

Избежать такого спонтанного и такого грозного исхода событий можно было лишь проявив инициативу сверху, начав трудный и болезненный процесс перестройки всех основных сфер общественной жизни.

* * *

Подспудные надежды на обновление, копившиеся в глубине общественного сознания, отчетливо проявились, когда к руководству партией, а следовательно, и к власти в стране пришел Юрий Владимирович Андропов.

Даже простые меры по наведению порядка в стране, борьбе с коррупцией, подтягиванию расшатанной дисциплины – подчас даже меры не очень демократичные, вроде облав на улицах – встретили широкое одобрение не только в рабочих коллективах, но и среди некоторой части интеллигенции.

Сыграли свою роль и кадровые перемены: удаление с государственных постов министра внутренних дел Щелокова Н. А., а из партийного аппарата – управляющего делами ЦК КПСС Павлова Г. С., первого заместителя Отдела организационно-партийной работы Петровичева Н. А., заведующего Отделом науки и учебных заведений Трапезникова С. П., входивших при Брежневе вместе с заведующим Общим отделом К. М. Боголюбовым в так называемый «узкий рабочий кабинет», который предопределял многие важнейшие решения. С приходом Андропова их всесилию был положен конец. Петровичев был направлен в Комитет по профтехобразованию, Трапезников и Павлов – на пенсию. Послом в Румынию направлен заведующий Отделом пропаганды Тяжелников. Е. М.

Особо нужно сказать о Павлове. Самое беглое ознакомление с деятельностью Павлова как Управляющего делами, проведенное по поручению Андропова, показало, что он, поль-

зуюсь своей близостью к Брежневу, вытворял что хотел. Обоснованное возмущение вызывали излишества в сооружении новой гостиницы и нового зала для заседаний Пленумов ЦК (Андропов даже избегал по этой причине проведения заседаний Пленумов в этом помещении), шикарных санаториев и других объектов.

Мне как члену Центральной ревизионной комиссии привелось принять участие в изучении деятельности издательства «Правда» того периода. Выявился полный произвол со стороны Управления делами в использовании материальных и денежных ресурсов, не считающегося с существующими законами.

Что касается Трапезникова, то о нем сказано в мемуарном и публицистическом жанре более чем достаточно. Это желчный, больной человек, абсолютно оторванный от реальной жизни, жил в мире идей и представлений, сформировавшихся еще в 30-е годы. Он явно считал себя чуть ли не главным истолкователем истории и идеологии партии и пытался навязать свои представления общественным наукам, не гнушаясь методами разноса и разгрома неугодных людей.

Со мной он держал себя внешне лояльно, но мне было хорошо известно о предубежденности по поводу моей творческой деятельности и практических шагов. Вопреки его сопротивлению мне удалось добиться утверждения заведующим кафедрой политэкономии Академии общественных наук Л. И. Абалкина, который до этого находился в опале, опять же по вине Трапезникова. Но Трапезников решительно воспротивился привлечению в академию из Новосибирска А. Г. Аганбегяна.

В руководстве партии заметно возросла роль Горбачева. Здесь появились новые люди, секретарем ЦК по экономике стал Н. И. Рыжков, заведующим Отделом организационно-партийной работы – Е. К. Лигачев. Управляющим делами ЦК КПСС назначен Н. Е. Кручина. К. М. Боголюбов остался во главе Общего отдела ЦК, но под него был «подставлен» в качестве первого зама А. И. Лукьянов. Передвижки коснулись и меня.

В начале августа 1983 г. секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин позвонил мне в Гагру, где я проводил отпуск, и попросил срочно выехать в Москву.

Через несколько дней меня пригласил для беседы Горбачев. Мое знакомство с ним началось где-то в середине 70-х годов с участия в одной из научно-практических конференций в Ленинграде по экономическому образованию, проводившихся в те годы регулярно по всей стране.

После перехода Горбачева на работу в ЦК КПСС он часто выступал в Академии общественных наук перед слушателями курсов руководящих партийных работников. Я присутствовал практически на всех его выступлениях и убедился в свежести, раскованности мышления этого человека, его широкой эрудиции. Он не был похож на обычных партийных руководителей областного, краевого и республиканского масштаба, которых я хорошо знал.

Как правило, после выступлений мы обсуждали те или иные острые проблемы. Я вспоминаю, что именно тогда обговаривались идеи применения принципа продналога между центром и регионами по продовольственным вопросам, о необходимости большей свободы хозяйствам, о том, что пора перестать лихорадочно свозить зерно и другие сельхозпродукты в крупные государственные зернохранилища. Поднимались проблемы преодоления дефицитности в нашей экономике, диктата производителя и другие.

Однако на сей раз разговор с Горбачевым касался моего перехода в ЦК в качестве заведующего Отделом науки и учебных заведений. Решение принималось с учетом того, что мне не потребуется каких-то больших усилий для вхождения в дело, учитывая мою прошлую научно-педагогическую деятельность, работу в Ленинградском горкоме КПСС, Отделе пропаганды ЦК КПСС и в Академии общественных наук.

Серьезных аргументов против у меня не нашлось, хотя работа в Академии общественных наук была, пожалуй, для меня самым плодотворным и приносящим удовлетворение

периодом деятельности. Впрочем я понимал, что речь идет о моем приобщении к участию в больших переменах в партии и стране. Именно на этой встрече с Горбачевым я сказал, что он может полностью рассчитывать на меня в обновлении деятельности партии. К этому я больше никогда не возвращался. Но старался следовать данному заверению.

Завершив разговор, Михаил Сергеевич позвонил по прямому телефону Ю. В. Андропову, и мы направились к нему. Беседа была непродолжительной и, естественно, вращалась вокруг вопросов, относящихся к компетенции Отдела науки и учебных заведений. Генеральный секретарь сказал, что работа на этом участке оказалась запущенной. Трапезников больше занимался искоренением идеологической крамолы, кроме того над ним довлел синдром неудачных попыток во что бы то ни стало пробиться в академики. «Надо осмыслить коренные проблемы реформы образования в стране, изменить обстановку в научных учреждениях, дать стимулы к ускорению научно-технического прогресса и, конечно же, заняться положением дел в области общественных наук», – подчеркнул Андропов.

* * *

Это была моя вторая личная встреча с Юрием Владимировичем. А предыдущая состоялась примерно за год, когда он был секретарем ЦК по идеологии. Я позвонил ему по телефону, попросил о встрече и сразу же получил согласие.

Встреча эта была для Академии общественных наук и меня лично очень важной ввиду того, что, начиная с 1980 года, сложились довольно трудные отношения с Управлением делами, отделами ЦК КПСС и с курирующими секретарями ЦК.

В конце 1980 г. Павлов, Петровичев, Трапезников с участием секретарей ЦК КПСС – Капитонова и Зимянина подвергли меня унижительной проработке. Речь шла о содержании работы академии и ее перспективах как творческого центра. Кураторы из ЦК КПСС вели линию на превращение АОН в чисто кадровое учебное заведение, не желая создавать условия для серьезной научно-исследовательской деятельности. Я же настаивал на развитии академии и как серьезного научного центра, создании условий для научной работы преподавателей. При этом ссылался на соответствующие документы ЦК по этому вопросу, не полагаясь на понимание моими собеседниками той истины, что без творческого начала и подготовка кадров невозможна.

Меня решили проучить за строптивость, устроив коллективную «трепку», а после этого усилились мелочные придирки. На XXVI съезде КПСС не допустили моего избрания в ЦК КПСС, оставив меня членом ЦРК, где я состоял и раньше, не будучи ректором академии. Всесилие «теневого кабинета» сказалось и здесь.

Естественно, об этом конфликте я речь не заводил. Главной темой разговора были облик академии, ее научный потенциал, реализация огромных возможностей подкрепления партийной работы исследовательской деятельностью, в том числе изучением общественного мнения. По всем этим вопросам я был внимательно выслушан и полностью поддержан. В дальнейшем Андропову стали регулярно направляться информационно-исследовательские материалы академии, в частности, через его помощника Б. Г. Владимирова, которого я хорошо знал еще по работе в Отделе пропаганды.

На той встрече 19 августа 1989 г. Андропов выглядел уже довольно плохо. Он сильно похудел и как-то осунулся. Было видно, что он «долго не протянет». Давала знать о себе тяжелая болезнь. Через несколько дней, в конце августа, он ушел в отпуск, а в середине сентября попал в больницу и, хотя продолжал заниматься делами, но на работу уже больше не вернулся. В феврале следующего года его не стало.

Воспроизводя в памяти атмосферу и события конца 1982 – начала 1984 гг., нельзя не сказать о том, что деятельность Андропова во многом резко контрастировала с последними

годами брежневского руководства – временем разложения и маразма. Было покончено с пустопорожней болтовней и хвастовством, славословием и заторможенностью в действиях. Широкий отзвук получила статья Андропова в журнале «Коммунист» (1983, № 3). Скромность, деловой подход импонировали обществу. Люди видели: пробивается что-то свежее, новое, идущее от назревшей потребности обновления жизни.

Вместе с тем фигура эта противоречивая, отразившая всю сложность, весь драматизм общественно-политического развития страны. Андропов чувствовал остроту назревших экономических и социальных проблем. Не обладая ни знаниями, ни практическим опытом в области управления народным хозяйством он стремился даже чисто волевыми методами заставить заниматься реорганизацией экономического управления, и в частности, проводившимся, как говорили тогда, крупномасштабным экспериментом по внедрению полного хозяйственного расчета. Каким-то природным чутьем он понимал: без экономической реформы не обойтись.

К слову, однажды бывший ректор Высшей партийной школы и очень мною уважаемый человек – Николай Романович Митронов рассказал мне, как Юрий Владимирович Андропов, работавший тогда председателем КГБ, сдавал экстерном экзамены по программе Высшей партийной школы. Систематического высшего образования он не получил, но его выступления, речи да и простое общение оставляли впечатление о нем, как о грамотном, высокоэрудированном человеке.

А вот еще один факт, характеризующий противоречивость действий Андропова. На сей раз в кадровой политике. Вскоре после того, как он стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, Г. А. Алиев был выдвинут первым заместителем Председателя Совета Министров. Эта акция повергла в глубокое недоумение общественность, которая незадолго до этого была поражена и удивлена маскарадом, устроенным Алиевым по случаю приезда Брежнева в Баку. Последовало довольно странное объяснение, что, дескать, вопрос о переводе Алиева в Москву был предрешен еще при Брежневе. Но ведь речь шла о серьезном повороте политики от брежневского курса. Не был встречен аплодисментами перевод в Москву Г. В. Романова.

То, что мне удалось видеть и слышать на одном заседании Политбюро брежневского периода, подтверждает: Андропов верой и правдой служил Брежневу, отбивая любые, даже малейшие попытки, в частности со стороны Косыгина, высказывать самостоятельные суждения.

С именем Андропова, безусловно, связан широкомасштабный план борьбы с диссидентами и их устранения с политической арены самыми различными способами – судебное преследование, помещение в «психушку», выдворение из страны и т. д. Диссидентское движение действительно было рассеяно, хотя почва, его порождающая, естественно, оказалась нетронутой.

Для меня всегда оставался открытым еще один вопрос. Ведь Андропов значительно более, чем кто-либо другой знал обо всех слабостях Брежнева, художествах его окружения, а противодействие, насколько известно, оказывалось лишь Щелокову, которого он и удалил после смерти Брежнева быстро и совершенно справедливо. А другие дела? Или не дошли руки, или, чувствуя свою ответственность, он их попросту хотел замять и покрывал.

Так мне представляется непростая картина первой, робкой попытки оздоровления и обновления страны. Андропов – предтеча перестройки? В определенном смысле – да. Но на него, конечно же, давил сильнейший груз прошлого и чтобы освободиться от него, судьба отвела ему слишком мало времени.

«Эмбриональный период»

Приход к руководству Черненко после быстрой кончины Андропова с нескрываемой радостью и оживлением восприняли те силы в партии, которые были возвращены в брежневские времена. Это вполне устраивало когорту престарелых руководителей, возглавлявших региональные и ведомственные епархии, ибо создавалась гарантия невмешательства в их дела, возникновения своего рода «охранных» зон, свободных от критики.

Все, правда, понимали, что дни Черненко сочтены, но может быть, слишком далеко не заглядывали вперед и молчаливо исходили из того, что на смену Черненко придет примерно такой же руководитель. Острословы приписывали правящей геронтократии девиз – «умрем все генеральными секретарями».

В этой обстановке к Горбачеву со стороны его коллег по Политбюро сложилось настороженное отношение, ибо чувствовалось, что он, пожалуй, единственный из них, кто не захочет мириться с сохранением вотчин и зон, свободных от критики, атмосферой застойности при внешнем благополучии. К тому же, безусловно, Андропов ему доверял, поддерживал и выдвигал его, при Андропове фактически Горбачев вел многие дела.

Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть, что была письменная рекомендация Андропова в отношении Горбачева как своего возможного преемника, которая якобы им самим была включена в выступление на Пленуме ЦК, а затем исчезла из текста, зачитанного на заседании.

Но хорошо знаю из общения с прогрессивно мыслящими людьми в партии и в ЦК, что именно с Горбачевым тогда связывались надежды на будущее. Это чувствовал и сам Горбачев. Но он впоследствии говорил нам, что не считал себя психологически готовым к роли первого руководителя партии и государства, да и условия для этого тогда еще не созрели, не сложилось и соответствующее общественное мнение.

Конечно, растущий авторитет и признание Горбачева в партии отнюдь не облегчали его жизнь и работу в Политбюро. С одной стороны, Черненко не мог без него обойтись, а с другой – за каждым шагом Горбачева ревностно наблюдали престарелые коллеги по Политбюро.

Я был на заседании Политбюро, когда Черненко поставил вопрос о распределении обязанностей между его членами, и в частности о том, чтобы Горбачев вел Секретариат. По сложившейся традиции это поручалось второму лицу в партии, он же проводил и заседания Политбюро в отсутствие Генерального секретаря. Обычно такие вопросы обговариваются с наиболее авторитетными членами Политбюро предварительно, и на заседании возражений не следует. На сей раз все было иначе.

Что за этим скрывалось, трудно сказать. То ли Черненко решил прямо выйти на Политбюро с таким предложением, то ли он предварительно обсуждал его с кем-то и, встретивши возражения, решил все-таки вынести на заседание.

Сначала взял слово Н. А. Тихонов, тогдашний Председатель Совета Министров. Он сидел по традиции первым за длинным столом, по левую руку от председательствующего. А против него, первое по правую руку от председательствующего кресло, было свободным. Оно занималось как раз вторым лицом в партии. Тихонов возразил против предложения Черненко в отношении Горбачева, но альтернативного предложения не внес.

– Горбачев в Политбюро занимается аграрными вопросами, – заявил он, – и это может отрицательно сказаться на деятельности Секретариата, породит аграрный уклон в его работе.

Тихонову возразил Д. Ф. Устинов:

– Но ведь Горбачев уже имеет опыт ведения Секретариата, да и вся предшествующая практика говорит, что ведущий Секретариат всегда имел какой-то участок работы, и это не оказывало негативного влияния на работу Секретариата.

Действительно, Тихонов не мог не знать, что уже при Андропове Горбачев занимался практически всем спектром вопросов. За этим стояло другое – стремление не пустить Горбачева, боязнь, что при слабом Черненко он будет играть доминирующую роль в ЦК.

В разговор вступил В. В. Гришин:

– Предлагаю отложить решение вопроса. Еще раз все продумать и взвесить.

Это было равнозначно поддержке Тихонова, ибо в практике работы ЦК формула «отложить» по сути дела была близка к отрицательному решению. Примерно в таком же духе, если мне не изменяет память, высказался и А. А. Громыко, а итог был такой: несколько невнятных слов произнес Черненко в поддержку своего предложения, и обсуждение закончилось. Насколько я знаю, к этому вопросу Политбюро больше не возвращалось, а работой Секретариата стал руководить Горбачев.

Вот такая атмосфера царил в высшем звене партийного руководства.

Но это относится к настроениям правящей верхушки. В обществе же носился дух перемен, для них почва была готова, и даже какие-то первые семена брошены Андроповым. Страна была беременна глубоким обновлением. Это чувствовали люди. Об этом подавали острые сигналы так называемые диссиденты. Это все яснее понимали и многие, не утратившие связи с жизнью и способность критически мыслить партийные руководители, ученые.

* * *

В официальной пропаганде продолжали гроыхать фанфары и литавры, а в недрах ЦК по инициативе и под руководством Горбачева началась серьезнейшая аналитическая работа, прежде всего касающаяся социально-экономического развития страны. Это был по сути дела утробный период перестройки – вызревания новых подходов, некоторых основных идей. Было ясно, что страна отстает от Запада в важнейших сферах научно-технического и социального прогресса. Не только не уменьшается, но увеличивается разрыв в жизненном уровне населения в сравнении с другими странами, даже нашими партнерами по Совету Экономической Взаимопомощи. Уже тогда стремились докопаться до причин такой ситуации, хотя этот поиск порой ограничивался областью государственного управления экономикой и научно-техническим прогрессом.

Мне пришлось еще в бытность ректором Академии общественных наук участвовать в рабочих совещаниях экономистов-ученых и практиков по этим проблемам, проводившихся Горбачевым. А после перехода в Отдел науки и учебных заведений такое участие стало регулярным.

К аналитической работе привлекались наиболее авторитетные ученые: А. Г. Аганбегян, Е. М. Примаков, О. Т. Богомолов, Г. А. Арбатов, Л. И. Абалкин, С. А. Ситарян, Р. А. Белоусов, Т.И.Заславская, И.И.Лукинов, А.А.Никонов и другие. После возвращения из Канады и назначения на должность директора Института мировой экономики и международных отношений в разработке концептуальных материалов самую активную роль стал играть А. Н. Яковлев.

Мое знакомство с Яковлевым восходит еще к концу 60-х годов, когда он был первым заместителем заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС, а заведующего отделом длительное время вообще не было, и Яковлев фактически руководил его работой, а я тогда был секретарем Ленинградского горкома КПСС.

Трудно судить, что стало причиной, сравнительная ли молодость (тогда мне было около сорока лет), научная ли квалификация (я попал на партийную работу уже будучи доктором

экономических наук), но буквально через год-два работы в горкоме начались «покушения» на меня из Москвы. Предлагали то одно место, то другое – первым заместителем к П.Н. Федосееву – директору ИМЛа, в различные отделы ЦК. Приглашал меня и Яковлев переехать в Москву в качестве заместителя заведующего Отделом пропаганды. От всех этих предложений я отказывался и получал в этом поддержку от В. С. Толстикова, бывшего первого секретаря Ленинградского обкома партии. Но во второй половине 1970 года ситуация изменилась. Толстикова отправили послом в Китай, первым секретарем обкома стал Романов, который по каким-то причинам считал нецелесообразным помогать мне отбиваться от московских предложений.

После двукратных встреч с П. Н. Демичевым – куратором идеологии, в ходе которых я так и не дал согласия на свое новое назначение, все же было принято решение Секретариата ЦК о назначении меня заместителем заведующего Отделом пропаганды.

В первое время отношения с Яковлевым, да и в аппарате в целом, складывались для меня исключительно трудно. Я попал в совершенно новую и в общем чуждую для меня среду аппаратного послушания, чуть ли не с прицелкиванием каблуком, с нравами, когда больше ценились не творческая мысль и инициатива, а аккуратное и своевременное исполнение поручений. И надо сказать, что в Отделе пропаганды были еще в этом отношении не самые худшие нравы.

Трудно судить, какая причина порождала настороженность ко мне в первые годы со стороны Яковлева. Тогда мне казалось, что это могло быть связано с отсутствием заведующего отделом и естественными переживаниями Александра Николаевича в связи с тем, что его держат в таком подвешенном состоянии. Может быть, это объяснялось и моим независимым характером, и стилем поведения, непривычным для аппарата.

В течение семи лет после назначения В. И. Степакова послом в Белград Отдел пропаганды оставался без заведующего. Брежнев хорошо понимал значение этого поста для укрепления своей власти и хотел иметь здесь «своего человека». Яковлева он, невидимому, не считал таковым. Присматривался к нему, привлекал к работе над основными своими выступлениями и политическими документами вместе с А. М. Александровым, Н. Н. Иноземцевым, Г. А. Арбатовым, А. Е. Бовиным, В. В. Загладиным, но не доверял настолько, чтобы сделать руководителем одного из ключевых отделов ЦК.

Почему? Думаю, не из-за либерально-западнических взглядов Яковлева: ведь поддерживал же генсек и выдвигал вышеупомянутых лиц, отличавшихся именно такими привязанностями. Да и сам Александр Николаевич, как хорошо знают работавшие с ним в то время люди, к либеральным позициям пришел не сразу. Для Брежнева взгляды человека не были самым важным, среди его доверенных лиц были люди с различными, можно сказать даже противоположными убеждениями. Главное для него – личная преданность.

Вот и в данном случае дело скорее было в том, что Яковлев, как и удаленный до него Степаков, рассматривался как выдвигенец «московской группы», поддерживался А. Н. Шелепиным, который был соперником Брежнева за влияние и власть в партии в послехрущевский период. Прошло немного времени и Яковлев вообще был удален из ЦК.

Незадолго перед «ссылкой» Яковлева в Канаду отношения наши изменились в лучшую сторону. Исчезла предубежденность, появилось, как мне казалось, взаимное доверие. Я увидел, что это неординарный политик, человек со своими взглядами и позициями, в том числе и с теми, которые были высказаны им в двухполосной статье в «Литературной газете», которая явилась лишь видимой причиной удаления Яковлева из ЦК. Я думаю, и он почувствовал, что у меня нет амбициозных, карьеристских устремлений; к тому же оказалось, что мы еще и земляки, и питаем слабость к нашей малой родине – ярославщине.

После ухода Яковлева из ЦК я был свидетелем отвратительной ситуации, когда многие аппаратчики, заискивавшие раньше перед ним, и даже те, кого он прежде выдвигал, стали

упражняться во всяческом его поношении, пинать вслед. Самое любопытное, что после возвращения Яковлева в Москву и особенно в ЦК, эти же люди вновь залебезили перед ним и запели ему дифирамбы.

Мы поддерживали отношения с Александром Николаевичем и в канадский период его работы, встречались, когда он приезжал в Москву, а с лета 1984 года началось, можно сказать, повседневное сотрудничество в формировавшейся в то время команде Горбачева. С нами сотрудничал помощник Горбачева того времени В. И. Болдин, с которым именно в этот период я познакомился. С Яковлевым он уже тогда был на «ты», несмотря на разницу в годах. Из последующих рассказов и воспоминаний я понял, что они знакомы еще со времен Хрущева, когда Болдин работал в аппарате тогдашнего секретаря по идеологии Ильичева.

Тесные контакты между нами тремя, конечно же, основывались на общем отношении к Горбачеву. Но они переросли во взаимную доверительность такой степени, что мы могли обмениваться мнениями по самым деликатным и сокровенным вопросам.

Впрочем я и тогда и в последующем не терял критического отношения к яковлевскому радикал-либерализму, который во многом носил эмоционально-публицистический характер и не отличался фундаментальностью и глубиной. Мне никогда не импонировала его склонность к красивой фразе и закулискому политическому маневрированию.

* * *

Пожалуй, крупнейшей вехой утробного процесса перестройки явились подготовка и проведение в декабре 1984 г. Всесоюзной конференции по идеологической работе. Вначале она задумывалась как обобщение годового опыта работы по выполнению постановлений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС по вопросам идеологической работы, но затем, в процессе подготовки совещания, постепенно вылилась в самостоятельную, крупную общественно-политическую акцию.

Докладчиком утвердили Горбачева как второе лицо в партии, по традиции курирующее идеологическую сферу. По мысли Михаила Сергеевича Горбачева (и мы его в этом поддерживали), в докладе должны были прозвучать новые, принципиально отличные от привычных, оценки общественно-политического развития страны, новые подходы к решению стоящих перед нею задач. Вокруг подготовки и проведения конференции развернулась, по сути дела, борьба между прогрессивной и консервативной тенденциями в партии, и как в зеркале отразилось неблагополучие в ее руководстве.

Проект доклада вообрал в себя достигнутые на тот момент результаты аналитической работы Горбачева и его группы. Это, по сути дела, был основной предперестроечный документ, хотя и не свободный от традиционных клише, иначе его просто бы не приняли. В то же время доклад отличался явной новизной. В нем давалась реалистичная и максимально критичная для того периода оценка развития страны и в обобщенном политическом виде сформулирована задача ускорения социально-экономического ее развития, в значительной мере по-новому были поставлены многие проблемы обществоведения.

Перспектива выступления Горбачева с таким докладом вызвала настороженность и ревность со стороны Черненко и группировавшихся вокруг него людей, таких как В. А. Печенев, Р. И. Косолапов, претендовавших на роль монопольных законодателей в идеологической сфере. Пользуясь беспомощностью Черненко в данных вопросах, они бесконтрольно влияли на выработку идеологических установок, расстановку кадров в этой сфере и т. д. Под их влиянием находился заведующий Отделом пропаганды ЦК Б. И. Стукалин. Их активно поддерживал и тогдашний секретарь ЦК по идеологии Зимянин.

Наконец, настал момент, когда Горбачев решил познакомить с проектом доклада более широкий круг людей. И тут началось... Косолапов, к которому Горбачев лично обратился,

вернул текст не самому докладчику, а в его аппарат с несколькими незначительными, чисто стилистическими поправками. В ход пошла версия, что материал сырой, недостаточно продуманный и т. д. Об этом, в частности, мне сказал Зимянин, когда я по делам Отдела науки был у него.

По существу развернулась кампания дискредитации не только доклада, но и идеи самой конференции. В нее втянули и Черненко, которому внушили мысль, что якобы в докладе Горбачева недооцениваются июньский (1983 г.) Пленум ЦК и доклад Черненко на нем. Предложили на открытии конференции выступить Черненко, но это оказалось нереалистичным, да Черненко, видимо, и сам понял, что его выступление рядом с Горбачевым высветило бы для всех, кто есть кто. Поэтому по настоянию Черненко – и Горбачев, чтобы не обострять ситуацию, не возражал – в Серебряный бор был направлен Стукалин для корректировки доклада.

Должен сказать, что его вклад выразился лишь в нескольких искусственно сконструированных ссылках на выступления Черненко. Появилось решение – предпослать докладу письменное приветствие со стороны Генерального секретаря.

Но дело этим не кончилось. Буквально накануне конференции Черненко позвонил Горбачеву и предложил... отменить ее. Но на этот раз Горбачев решительно возразил. Ставились палки в колеса и дальше. Ввели ограничения на публикацию материалов конференции в прессе. «Коммунист», редактором которого был Косолапов, вообще отказался напечатать доклад, что было беспрецедентно для органа ЦК. Косолапов предложил Горбачеву написать на основе доклада статью, что, конечно, было отвергнуто. Та же линия проводилась и при издании сборника материалов конференции – ограничение объема, тиража и т. д.

Произошел и такой курьез. Видным ученым, не сумевшим по тем или иным причинам выступить на конференции, предложили сдать для публикации тексты их выступлений. Представил текст своего выступления и Яковлев, но в вышедшем сборнике... его не оказалось.

* * *

Мы не раз в то время и позднее обсуждали, в чем же причина такого яростного противодействия, которое было оказано Горбачеву со стороны названных лиц? Неприятие Горбачева из-за его новизны, антидогматизма, нежелания подчиняться десятилетиями выработанным правилам идеологической игры, его отрицательное отношение к книжной мудрости, на которой нажили себе авторитет эти люди? Наверное, это так.

Думаю, они перешагнули бы свое неприятие, если бы Горбачев их поманил. Но они возомнили себя незаменимыми талантами, всесильными визириями при слабом правителе, почувствовали дурманящий вкус власти. Черненко или кто-то другой наподобие его их бы вполне устраивал, но не Горбачев.

На общественность же конференция произвела большое и глубокое впечатление. Кстати говоря, в ней приняли участие многие видные и неординарные ученые и партийные работники, в том числе и Ельцин, бывший в то время первым секретарем Свердловского обкома партии.

Горбачев заявил о себе как крупном политическом лидере, глубоко разбирающемся и в экономике, и в политической жизни, и в международных отношениях, владеющем методами научного мышления и научного подхода к актуальным проблемам общественного развития.

Воспроизводя непростую обстановку, складывающуюся вокруг Горбачева в тот период, не могу не обратиться еще к одному факту. По предложению Горбачева где-то в конце 1984 г. было принято решение вернуться к идее проведения Пленума ЦК КПСС по вопросам научно-технического прогресса, которая не раз возникала еще в 70-е годы.

Несмотря на застойность брежневского времени и самоуспокоение мнимыми успехами, уже тогда для многих ученых-экономистов, дальновидных хозяйственных руководителей было ясно, что мы начинаем технологически быстро отставать от Запада. Не раз формировались группы для подготовки Пленума, «высаживался десант» на загородные дачи, готовились обширные выкладки. Самую активную, можно сказать, ведущую роль играли академики Н. Н. Иноземцев и Г. А. Арбатов, а из работников ЦК – заведующий Отделом машиностроения В. С. Фролов. В числе других и я на разных этапах участвовал в этой работе.

Но как только дело доводилось до практического выхода на Пленум и докладывалось на самом верху, оно притормаживалось и откладывалось в долгий ящик. Разработанные материалы оседали в сейфах.

У меня сложилось впечатление, что брежневскому руководству эта проблема была просто не по зубам, не хватало духа, решимости и компетенции браться за исключительно трудное и масштабное дело. А упускать его из своих рук и передать кому-то другому, например, Косыгину, Брежнев не хотел.

К тому же вопросы экономики по линии Политбюро курировал А. П. Кириленко, один из столпов брежневской группы, отличавшийся завидной цепкостью и заботившийся главным образом об укреплении позиций Брежнева в партийном аппарате. Он был как бы противовесом М. А. Сулову, в его отсутствие вел Секретариат, а иногда и Политбюро. Именно он в связи с 70-летием Брежнева выступил с подобострастным заявлением о том, что 70 лет для политического руководителя – это чуть ли не самый плодотворный возраст. Ирония судьбы в том, что сам Кириленко примерно в таком же возрасте стал быстро впадать в склеротическое состояние, путать фамилии даже самых близких людей, забывать самые элементарные вещи, заговариваться и еще до ухода Брежнева в «плодотворном возрасте» был отправлен на пенсию.

Так дело и тянулось, а время безвозвратно уходило.

Горбачев вместе с Рыжковым решили безотлагательно вернуться к этой проблематике. Они проанализировали тома накопившихся материалов, создали группы ученых и специалистов, которым поручалось оценить наши позиции по основным направлениям научно-технического прогресса.

В конце года в Серебряный бор была высажена рабочая группа для подготовки доклада на Пленуме. На заключительном этапе в ней, кроме меня, принимали участие Аганбегян, Ситарян, Вольский, Смирницкий, а финал был таков – Пленум отменили под явно искусственным предлогом, что, дескать, будут расстреливаться материалы съездовского характера, хотя до съезда оставалось еще не менее года. К нам в Серебряный бор приехал Рыжков и, не скрывая своего огорчения, сообщил о принятом решении. С досады мы выпили по стопке водки, поужинали и разъехались.

Опять проявилась прежняя брежневская линия, которую на сей раз проводил Черненко. Сам он был не в состоянии взвалить на себя эту проблему, но при поддержке Тихонова, других членов Политбюро и Горбачеву с Рыжковым не давал ходу.

Большой резонанс, который вызвали декабрьская идеологическая конференция, визит Горбачева во главе парламентской делегации в Англию, по-видимому, еще больше перепугал этих людей. Они явно не хотели, чтобы Горбачев проявил себя и как деятель, владеющий знанием и умением решать проблемы в такой важнейшей области, как научно-технический и экономический прогресс.

Так непросто протекал эмбриональный период перестройки.

Горбачев приходит к рулю

О перипетиях первых дней после кончины Черненко немало сказано и написано участниками тех событий. Не обошлось здесь и без преувеличения трагизма ситуации, без субъективных оценок, без спекуляций, связанных с избранием Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС. К числу последних, безусловно, следует отнести версию о том, что какую-то крупную роль в борьбе за власть играл Романов, Он не пользовался в Политбюро сколько-нибудь заметным влиянием, и разговоры на эту тему просто несерьезны.

Я думаю, что немалая доля преувеличения содержится и в комментариях относительно претензий Гришина на роль руководителя партии, что якобы он имел чуть ли не готовый список нового Политбюро, нового распределения ролей и т. д. Может быть, такие замыслы у кого-то в голове и бродили, но настроение у членов ЦК, особенно местных руководителей, исключало, на мой взгляд, даже саму постановку такого вопроса на Политбюро, и особенно на Пленуме ЦК.

Представляется неосновательными и высказанные позднее на XIX партконференции претензии на особую роль группы членов Политбюро в избрании Горбачева в марте 1984 года Генеральным секретарем ЦК КПСС. Их подтекст был довольно прозрачным: «Мы тебя сделали Генсеком, мы тебя в случае чего можем и скинуть». Конечно, Лигачевым как секретарем и заведующим Орготделом ЦК осуществлялись контакты с членами ЦК, особенно руководителями местных организаций, но они могли лишь выявить сложившийся в партийном общественном мнении консенсус по вопросу о том, кому быть Генеральным секретарем. И заседание Политбюро, и Пленум ЦК прошли в обстановке единогласия при полной поддержке кандидатуры Горбачева. Логичным было и «забойное» выступление Громыко как наиболее авторитетного члена Политбюро, к тому же принадлежавшего к старой гвардии руководителей. Да и кому же было выступать с таким предложением, ведь не Тихонову же, не обладавшему ни влиянием, ни авторитетом. Характерно, что в поддержку Горбачева выступил и Гришин – единственный, потенциальный, но не состоявшийся претендент.

В эти дни и ночи я вместе с другими помощниками Горбачева помогал ему в подготовке материалов для выступлений, в том числе его первой речи в качестве вновь избранного Генерального секретаря на Пленуме ЦК КПСС 11 марта 1985 года. Значение этой речи, с моей точки зрения, недооценено. Она, конечно, была сравнительно короткой и не обошлась без ритуальных слов в адрес предшественника.

Прозвучали заверения в неизменности «стратегической линии партии», но суть этой линии была выражена уже по-новому: «ускорение социально-экономического развития страны, совершенствование всех сторон жизни общества». Дано сжатое и достаточно емкое раскрытие этой линии. Здесь и решающий поворот в переводе народного хозяйства на рельсы интенсивного развития, и совершенствование хозяйственного механизма, и социальная справедливость, и углубление социалистической демократии, совершенствование всей системы социалистического самоуправления народа, и решительные меры по дальнейшему наведению порядка, и расширение гласности в работе партийных, советских, государственных и общественных организаций, и курс мира и прогресса в области внешней политики. Конечно, это была еще не развернутая программа действий, да такая программа на данном Пленуме была бы немислимой, но уже был сгусток идей, который дальше получил развернутое изложение и обоснование.

Мартовский Пленум положил начало кадровому обновлению высшего эшелона партии. Членам Политбюро, минуя кандидатскую ступень, были избраны Лигачев и Рыжков, а секретарем ЦК – Никонов. Несколько позднее, в июле, членом Политбюро стал Шеварднадзе, а секретарями ЦК – Ельцин и Зайков.

Горбачев решил прервать сложившуюся в последние годы традицию совмещения постов Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР. На последнюю должность был избран Громько, и такое решение было положительно встречено общественностью. Осенью того же года Тихонов был освобожден от должности Председателя Совета Министров СССР, им стал Рыжков.

Важные изменения осуществлялись и в аппарате ЦК КПСС. Должность заведующего Отделом пропаганды занял Яковлев, а Стукалин отправился послом в Венгрию. Помимо всего прочего это был и символический акт – полная реабилитация «опального». Из ЦК КПСС удалили Боголюбова – «последнего из могикан» – так называемого «теневого рабочего кабинета» Брежнева, а ключевую в аппарате ЦК должность заведующего Общим отделом ЦК КПСС поручили Лукьянову. Главным редактором журнала «Коммунист» вместо Косолапова стал И. Т. Фролов.

Это было начало широких кадровых перемен в партии и в государстве. Они укрепили позиции Горбачева, раздвинули возможный диапазон его действий, дали толчок коренному обновлению кадров в центре и на местах, хотя и не решили всех проблем в этой области. Преобладание старой гвардии в Политбюро было поколеблено, но не устранено, что вынуждало Горбачева маневрировать, тратить огромные усилия для завоевания поддержки назревших решений.

* * *

Сразу же после мартовского Пленума Горбачев вплотную занялся разработкой конкретной программы действий, которую решил изложить на очередном Пленуме ЦК КПСС в связи с принятием решения о созыве очередного XXVII съезда КПСС.

Генеральный секретарь попросил меня, и я думаю, других товарищей, которые его окружали, дать соображения о том, как выстроить нашу работу, с чего начать, какие приоритеты выделить. У меня сохранилась копия моей записки Горбачеву, датированная 17 марта. Думается, она представляет интерес с точки зрения того, на каком уровне понимания задач мы находились в тот момент. Привожу дословно ее узловые положения:

«...Решительно покончить с обилием общих слов и заклинаний, нагромождением умозрительных формул и книжной мудрости, красивых выражений, которые в сочетании с заторможенностью в практических действиях приводили к расхождению между словом и делом. Большое раздражение и иронию вызывают у людей награждения (награждают по сути дела сами себя), непомерные персонифицированные оценки снизу вверх, личные заверения, превратившиеся в ритуал приветов от генерального секретаря и т. д.

...На первый план выдвигается обновление состава руководящих кадров. Это и показатель настроенности нового руководства на перемены и необходимое условие их осуществления. Процесс этот – сложный и болезненный. Чтобы облегчить его, может быть, следовало бы пойти на какое-то улучшение материально-бытовых условий, пенсионного обеспечения соответствующей категории работников. Дополнительные расходы, безусловно, окупятся повышением эффективности работы.

...Для повышения ответственности кадров, дисциплины, наведения порядка имело бы большое значение опубликование в печати двух-трех сообщений о привлечении к строгой ответственности руководящих работников за срыв плановых заданий, решений вышестоящих органов, особенно по социальным вопросам, вплоть до снятия с работы и исключения из партии.

...Одновременно со всем этим, не откладывая, взяться за разработку системы мер по совершенствованию всего нашего общественного (в том числе экономического) механизма, с тем, чтобы начать их планомерное осуществление после съезда.

...Среди кардинальных проблем управления в экономической области: решительная перестройка управления на уровне первичного звена – производственного объединения. Создание производственных объединений независимо от ведомственных перегородок, исходя только из экономической целесообразности. Жесткая система экономической ответственности коллектива и его сильной материальной заинтересованности на основе оплаты труда по конечным результатам.

...Освободить партийные комитеты от оперативно-хозяйственных дел, которыми они сейчас загружены сверх предела, упростить их структуру, приспособить ее к усилению политической работы среди трудящихся, работы с кадрами, организации и проверки исполнения решений. Отпадет необходимость иметь в ЦК отделы по отраслям народного хозяйства.

...В области демократии, развития системы социалистического самоуправления народа можно было бы пойти на значительное расширение прав трудовых коллективов, введение эффективной системы контроля снизу за деятельностью руководителей, включая их выборность и отчетность перед коллективом. Весьма настоятельна необходимость усиления демократического контроля за деятельностью аппарата государственного и хозяйственного управления.

...Глубокие перемены нужны во внутривнутрипартийной жизни – в направлении развития демократии, критики и самокритики, гласности в работе партийных и государственных органов всех уровней, аппарата. Идеологическая работа партии должна быть полностью освобождена от казенщины и штампа, трескотни и декларативности, приближена к реальным проблемам, к фактическому положению дел, сознанию людей. Проблемы, волнующие людей, не должны игнорироваться или загоняться в дебри малопонятных рассуждений. Они должны получать ясную постановку и аргументированные ответы. Не должно быть запретных тем для высказываний и обсуждений.

...Съезд провести в конце текущего года. Принять по этому вопросу официальное решение на апрельском Пленуме ЦК КПСС. В выступлении на Пленуме Генерального секретаря ЦК КПСС сформулировать основные моменты предсъездовской платформы партии и концепцию самого съезда, как начала крупных преобразований механизма общественного управления, рассчитанного на значительное ускорение социально-экономического развития страны».

У Горбачева образовался целый портфель таких соображений. Все они были, что называется, «переварены» им и выкристаллизованы в основной идее доклада на апрельском Пленуме. С большим внутренним волнением и энтузиазмом мы все помогали ему в этом. Мы – Яковлев, Болдин, Биккенин и, если не изменяет память, Лукьянов.

* * *

Сравнительно небольшой и, прямо скажем, не поражающий фантазию внешними эффектами доклад нового Генсека на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС сразу же был встречен в обществе не просто как изложение намерений нового руководителя. За несколько предшествующих лет обществу пришлось выслушать две речи по такому же поводу. На сей раз она была с самого начала воспринята как нечто масштабное и поворотное для судеб страны, и дальнейший ход событий в полной мере это подтвердил.

Сейчас линия на ускорение социально-экономического развития страны у одних вызывает снисходительную улыбку, у других – иронию. Но это был неизбежный этап осмысления ситуации, сложившейся в стране, путей выведения общества из заторможенного состояния. Перестройка началась именно с вывода об ускорении социально-экономического развития.

Причем уже тогда, на апрельском Пленуме, задача ускорения не сводилась к повышению темпов роста, а была органически увязана с осуществлением серьезных перемен и в

хозяйственном механизме, и в социальной и других сферах общественной жизни. С ними были связаны главные надежды на прогресс страны и выведение ее на современный уровень мировой цивилизации.

В дискуссиях последующих лет часто звучал вопрос: имел ли Горбачев, начиная перестройку, ее программу? Конечно, тщательно разработанной по всем пунктам и подпунктам программы не было, да и не могло быть. Была сумма идей, на основе которых постепенно формировался новый политический курс, проходя проверку практикой, накладываясь определенным образом на реальное общественное сознание, на живой опыт работы.

Я считаю, что весь период от мартовского и апрельского Пленумов ЦК КПСС до XXVII съезда включительно и даже до конца 1986 года – это и был период формирования и упрочения политики перестройки, выработки современного внешнеполитического курса на основе нового политического мышления. Чтобы иметь какой-то шанс на успех в политике, программа перестройки могла родиться только пройдя через горнило общественных дискуссий. Надо было завоевать общественное мнение, упрочить политические позиции сторонников нового курса.

Принципиальное значение в этом отношении имели встречи Горбачева с рабочими и инженерно-техническими работниками ЗИЛа, поездка в Ленинград и выступление на собрании актива Ленинградской партийной организации 17 мая 1985 года. Это был живой, открытый разговор с людьми. Его показ по телевидению произвел ошеломляющее впечатление. Люди увидели, что появился руководитель совершенно новой формации, не статуя, не мумия, а живой человек, просто и по-человечески разговаривающий с людьми, остро чувствующий проблемы сегодняшнего дня, не желающий мириться со старым.

Огромный резонанс получила поездка Горбачева и на Украину. Он побывал в самой цитадели брежневского влияния – на Днепропетровщине. Посетил Тюмень, Западную Сибирь и Северный Казахстан, провел многочисленные встречи с представителями самых различных слоев общества, с гражданами на улицах и площадях. Все это создало новую, невиданную доселе морально-психологическую обстановку в стране.

Что касается практических шагов в осуществлении нового курса, то они в этот период шли по двум главным направлениям – ускорение научно-технического прогресса и развитие гласности.

11 июня 1985 года прошло совещание в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса. В докладе Горбачева в максимальной мере были реализованы разработки, которые велись в течение этих лет по подготовке Пленума ЦК.

На совещании был углублен критический анализ предшествующего периода развития. Вместе с тем со всей очевидностью обнаружилась, что ускорение научно-технического прогресса, а значит и социально-экономического развития страны, упирается в хозяйственный механизм, унаследованный от прошлого. Дальнейшая практика подтвердила, что даже тщательно разработанные обширные программы развития науки и техники, модернизации отечественного машиностроения (а такие программы действительно были) не могут рассчитывать на успех в условиях старого экономического механизма, поэтому центр тяжести и внимания в сфере экономики стал постоянно переключаться на разработку экономического механизма. А за этим постепенно потянулась и вся цепочка.

При углубленном анализе проблем совершенствования хозяйственного механизма оказалось, что оно немыслимо без реформирования всей политической системы, а это в свою очередь диктует и необходимость пересмотра роли самой партии.

Известно, что в последующие годы критики упрекали Горбачева в том, что он начал не с того конца: надо было начинать с реформирования партии. Как говорят, хорошо критиковать задним числом. Конечно, для нас было ясно, что методы и формы работы партии устарели и их надо менять. Но начинать прямо с реформирования партии, да еще в том понима-

нии, которое нам пришло позднее, было просто невозможным. Этого бы никто не понял: ни в партии, ни в обществе. Да и этого нельзя было делать без реформирования экономического и политического механизма, без создания их новых форм.

Еще одна область, в которой перемены начались уже в первые месяцы после апрельского Пленума, это гласность, преодоление зон, свободных от критики, не только в виде каких-то отраслей и регионов, но и в смысле преодоления запретных тем. Здесь изменения происходили наиболее быстро и заметно как для общественности страны, так и зарубежных наблюдателей. Постепенно менялся облик газет и журналов, характер теле – и радиопередач, менялись к лучшему настроения творческой и научной интеллигенции.

* * *

Весь год от мартовского и особенно апрельского Пленума ЦК и до конца февраля 1985 года можно считать периодом подготовки XXVII съезда КПСС. Выкристаллизовывались основные идеи и направления политики партии. Многие из них «запускались в дело» и проходили проверку в общественной практике.

На сей раз подготовка доклада Генерального секретаря на съезде велась совершенно иначе, чем в предшествующие годы. Тогда работе над текстом придавалось самодовлеющее значение, и по сути дела основная проблема сводилась к нахождению каких-то хитроумных заходов, новых словесных формул, вроде: «Пятилетка эффективности и качества», «Экономика должна быть экономной» и т. д. Такая работа длилась долгими месяцами. Начиналась чуть ли не за год до съезда. Что касается роли самого докладчика – Генерального секретаря ЦК КПСС, то она ограничивалась выбором предлагаемых формулировок, заменой отдельных слов и т. д.

Теперь все было иначе. Основные мощные импульсы в работе исходили от самого Горбачева. Задача людей, которые бы ему помогали, состояла в том, чтобы по возможности адекватно очертить сумму теоретических, политических и идеологических идей, суть назревших социальных преобразований, придать им форму политических выводов и установок, но таких, которые бы не ограничивали политические действия какими-то рамками «от сих до сих», а раскрывали бы простор для общественно-политического творчества. Это был по преимуществу не литературный, а творческий, поисковый процесс.

К этому времени сложилась определенная технология работы. Вначале нас втроем, вчетвером – Яковлева, Болдина, Биккенина, меня, часто Лукьянова, а в дальнейшем ставших его помощниками И.Т.Фролова, Г.Х.Шахназарова, А. С. Черняева – приглашал к себе в кабинет Генеральный секретарь для общего обмена мнениями по концептуальным вопросам и выработки подходов. Делалась стенограмма или даже задиктовка самой концепции, определялся план доклада, состав «разработчиков», кому дать заказы.

Затем каждый из нас готовил порученные ему отдельные части, а потом они сводились в единое целое. Все это делалось в Волынском – уютном и уединенном уголке с несколькими особняками, где мы были ограждены от «текучки» и могли полностью сосредоточиться на творческой работе. Но самое главное происходило потом: приезжал Горбачев и начиналась сплошная проходка и передиктовка материала. Причем проводилась она, как правило, не один и не два раза, а многократно, в результате чего рождался совершенно новый текст.

Горбачев деликатно, но настойчиво вел «войну» против заумности, книжности, искусственной красоты, то есть против того, чем каждый из нас в какой-то мере грешил. Конечно, стиль выступлений Горбачева был разным – в зависимости от их темы и аудитории. Но это был его стиль. Каждый из нас не подлаживался к нему, зная, что все равно будет все сделано так, как представляется оратору.

В процессе передиктовки он выслушивал любые соображения и предложения, порой противоречивые, соглашался или отвергал их, но всегда принимал свое решение.

Подготовка первоначального материала для доклада к съезду была, как помнится, осуществлена в невиданно короткие сроки – в течение примерно месяца, не более. – Это был декабрь 1985 года. Международный раздел доклада, посвященный мировому развитию и внешней политике, а также идеологический раздел – был за Яковлевым, экономический и социальный – за мной и Болдиным, проблемы демократизации общества и углубления социалистического самоуправления народа – за Лукьяновым, над разделом о партии вначале работали товарищи из Орготдела, а потом доводили этот раздел совместными усилиями. Заключительный раздел, касающийся новой редакции Программы партии, был за мной.

С подготовленным материалом Яковлев и Болдин ездили на юг, в Пицунду, там Горбачев проводил свой кратковременный зимний отпуск. Там состоялся острокритический разбор подготовленного материала, а затем – новый изнурительный этап работы в Волынском. В конце января – начале февраля Горбачев пригласил для завершения работы Яковлева, Болдина и меня в Завидово, подальше от Москвы. Здесь началось самое важное и самое интересное – окончательное определение и фиксация оценок, позиций, выводов. Подвергалось еще раз серьезнейшему обсуждению и, можно сказать, инвентаризации буквально все: от общеполитических заходов до конкретных примеров.

Работали все вместе по 10–12 часов. Кроме того, каждый имел еще то или иное «домашнее задание». Собирались в особняке, где разместился Генеральный секретарь, в небольшой, уютной охотничьей комнате. Как правило, обычно присутствовала Раиса Максимовна, подкрепляя нас кофе и вкусным топленым молоком. Делалась скрупулезная проходка и передиктовка всего текста: раздел за разделом, страница за страницей, строчка за строчкой. По ходу Дела шел абсолютно откровенный, ничем не ограниченный обмен мнениями. Естественно, в качестве критиков выступал каждый из нас по тем разделам, в работе над которыми он не принимал прямого участия и, напротив, старался аргументировать те положения, которые прошли через него на предшествующей стадии.

Пожалуй, на меня выпала основная роль возмутителя спокойствия. Я чувствовал, что иногда дохожу до крайней черты. Меня в такого рода работе прежде всего волнуют ясность и логика в постановке и изложении проблем. В полной мере проявилась острота восприятия и содержания, и формы у Яковлева – его постоянная нацеленность на новизну и нетривиальную постановку вопроса, умение быстро найти адекватные и неизбитые слова.

Болдин активного участия в спорах не принимал, но, когда вмешивался, то большей частью принимал сторону Яковлева. И в работе над текстами, и в обсуждении имел вкус к более конкретным народнохозяйственным проблемам, к насыщению фактологией, примерами, считая, что этим решится вопрос о связи с жизнью, с практикой. И надо сказать, что политическое чутье у него было достаточно хорошо развито.

Михаил Сергеевич очень терпимо и даже заинтересованно относился к нашим спорам. Если мы продолжали настаивать на своем, он деликатно и не без доли юмора напоминал, кто же здесь докладчик. В итоге обычно предлагал свое собственное смысловое и формулировочное решение, которое тут же и задиктовывалось. В этом нам помогали две стенографистки – Татьяна и Ольга – участница будущей форосской эпопеи. После окончания, вечером или ночью, мы приводили в порядок стенограмму, а утром, как правило, Михаил Сергеевич возвращался к тому, что задиктовано. Часто вновь все это переделывалось, и таким образом мы медленно-медленно продвигались вперед.

Завидово – место по своему историческое, «завидное», хотя я бы не сказал, что какое-то живописное, из ряда вон выходящее. Здесь Брежнев жил месяцами, особенно в последний период своей жизни. Опушка леса рядом с большой заснеженной поляной. Территория,

огражденная глухим и надежным забором и цепью сторожевых вышек. Искусственный пруд с циркулирующей водой в любое время года, неброская среднерусская природа.

Особняк оригинальной архитектуры и внутренней планировки для главного лица, в котором размещался Горбачев и в котором мы работали. Второй также интересный особняк, по-видимому, для высоких гостей. Нам предложили в нем разместиться, но мы предпочли занять номера в расположенном рядом доме гостиничного типа.

Что привлекало там Брежнева? Это, как рассказывал Яковлев (единственный из нас, бывавший здесь раньше), охотничьи угоды с обилием кабанов, косуль и другой дичи. Охота рассматривалась как ритуал и даже больше того – входила в систему приближения людей к Генсеку и могла иметь решающее значение для отношения к ним высшего начальства. Яковлев рассказал, что однажды Брежнев пригласил его с собой на охоту, а он, как не охотник, опрометчиво отказался...

Здесь же, в Завидове, шла работа над всеми основными политическими документами и докладами Брежнева с участием уже упоминавшихся его штатных и нештатных советников. Приезжали и члены Политбюро, секретари ЦК. Тут же устраивались и увеселения с участием обслуживающего персонала. В общем, Завидово много повидало за брежневские годы.

А тут работа и работа. Изредка кино. Даже шахматные баталии, большими любителями которых были Яковлев и Болдин, да и я время от времени вмешивался в их спор, проводились урывками. А на дворе стояли сильные морозы – в 30 градусов и ниже.

* * *

После завершения работы в Завидово доклад еще раз был вынесен на заседание Политбюро, одобрен и представлен вначале Пленуму ЦК, а затем и XXVII съезду КПСС.

Это был не традиционный отчет ЦК перед съездом партии, а Политический доклад, в котором на первое место поставлена задача критического осмысления обстановки и переломного характера переживаемого момента и определения принципиальных перспектив развития.

Доклад явился развернутым обоснованием нового политического курса партии. Формула ускорения уже на съезде была наполнена новым содержанием, суть которого в преобразовании, перестройке общества. И не случайно, что в заключительном слове на съезде Горбачев сказал: «Ускорение, радикальные преобразования во всех сферах нашей жизни – не просто лозунг, а курс, которым партия пойдет твердо и неуклонно». Сам термин «перестройка» был употреблен на съезде лишь применительно к партийной работе и работе с кадрами. Но по сути дела о ней речь шла применительно ко всем основным сферам жизни и деятельности нашего общества.

А вскоре – 8 апреля 1986 года, выступая на встрече с трудящимися города Тольятти, Горбачев говорил уже о перестройке в том всеобъемлющем смысле, в каком этот термин вошел в политический обиход у нас и за рубежом.

На XXVII съезде сложились формулировки и исходных моментов нового политического мышления, нового видения мира, новой философии современного развития, хотя они сочетались еще со многими старыми формулами. Я отчетливо помню, как в острых дискуссиях «до хрипоты», тщательно выверяя каждое слово, мы в Завидово оформляли заключительные абзацы первого раздела доклада: «В сочетании соревнования, противоборства двух систем и нарастающей тенденции взаимозависимости государств мирового сообщества – реальная диалектика современного развития. Именно так – через борьбу противоположностей, трудно, в известной мере, как бы на ощупь, складывается противоречивый, но взаимозависимый, во многом целостный мир».

На съезде новый внешнеполитический курс нашел свое развернутое воплощение и конкретизацию. Но еще до съезда он получил выход в знаменитом Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева от 15 января 1986 года о сокращении, вплоть до полной ликвидации ядерных вооружений.

Съезд избрал новый состав руководящих органов партии. Тут еще сказался традиционный подход: избрание в ЦК по должностному принципу. Поскольку обновление руководителей республик, краев, областей, министерств и ведомств, центральных организаций было в самом разгаре, и состав ЦК оказался переходным и, пожалуй, даже с преобладанием выдвиженцев брежневского времени.

Почти не изменился и состав Политбюро. В нем сохранилась группа партийных лидеров брежневского разлива. Этот груз тяжелой гирей висел на ногах у перестройки, в немалой степени обуславливал непоследовательность ее дальнейших шагов, сдерживал темпы решения задач, сформулированных в материалах съезда. Да и новые выдвижения были не всегда удачными, и некоторые из них не оправдали себя. Правда, существенно обновился состав Секретариата: новыми секретарями ЦК стали Бирюкова, Добрынин, Разумовский, Яковлев. Среди них оказался и я.

Еще за несколько месяцев до съезда Горбачев завел со мной разговор на тему о том, что К. В. Русаков жалуется на состояние здоровья и не может работать в полную силу, что к проблемам отношений с соцстранами нужны новые подходы, соответствующие принципам перестройки и новому политическому мышлению. Он предложил мне перейти на этот участок работы, имея в виду, что в Отделе пропаганды и в Академии общественных наук я довольно тесно соприкасался с проблематикой соцстран, знал их кадры и т. д. А главное, что нужен новый свежий взгляд.

Мое отношение к этому предложению было сдержанным. Я больше видел себя на другом направлении: науки, экономики и даже идеологии. Но убедившись, что у Горбачева созрело твердое решение на сей счет, не стал выдвигать серьезных возражений. Генсек стал привлекать меня к проблематике соцстран, а после съезда я перешел в кабинет секретаря и заведующего Отделом ЦК по связям с партиями социалистических стран. О проблемах, с которыми пришлось столкнуться на этом направлении работы, о целенаправленной деятельности советского руководства по перестройке взаимоотношений с социалистическими странами, я надеюсь, мне удастся рассказать отдельно.

* * *

XXVII съезд КПСС завершил очень важный и ответственный период формирования нового политического курса во внутренних и международных делах. Во всей полноте встал вопрос о его широкомасштабном осуществлении, о перенесении центра тяжести на практическую работу по преобразованию общественной жизни. Конечно, политический доклад на съезде, его решения и особенно новая редакция Программы КПСС, принятая на съезде, не были свободны от влияния старых формул, стереотипов, штампов. Избавление от них потребовало дальнейших усилий. Но при всем этом основной смысл решений съезда, безусловно, отличался прогрессивностью, лежал в русле обновления нашей жизни, ее демократизации, необходимости глубоких революционных преобразований. Углубилось наше понимание и прошлого, и настоящего, и путей в будущее.

Интересно, что спустя примерно три года, вокруг интерпретации места XXVII съезда КПСС и политической сути его решений неожиданно развернулась довольно острая дискуссия. Люди, выражавшие консервативные настроения в партии и по существу несогласные с курсом на перестройку, развернули атаку на прогрессивные перестроечные силы под знаменем... защиты решений XXVII съезда КПСС от Горбачева. Они стали обвинять руководство

партии, и в первую очередь Горбачева за отступление от решений XXVII съезда. Особенно одиозным в этом смысле было выступление на одном из Пленумов ЦК бывшего заместителя заведующего Орготделом времен Капитонова – Петровичева, а затем второго секретаря ЦК КП Белоруссии и посла СССР в Варшаве В. И. Бровикова, поддержанное немалой частью членов ЦК.

Но весь вопрос в том, как понимать решения XXVII съезда, что в них брать – основную суть или те или иные остаточные термины, формулы и заходы? Куда смотреть – вперед или назад? В действительности под видом защиты XXVII съезда КПСС отстаивались доперестроечные порядки, по сути дела, административно-командная система. Да, руководство партии отошло от некоторых формул, фигурировавших на XXVII съезде, но то было не отступление, а движение вперед в том направлении, которое было определено съездом и составляло суть его решений.

XXVII съезд открыл шлагбаум для широких демократических преобразований. В обществе возникла исключительно благоприятная обстановка для их проведения: массовая поддержка нового руководства страны со стороны рабочих и крестьян, самых широких слоев населения. Почувствовав дуновение свежего ветра обновления, демократизации и гласности, ободрилась интеллигенция.

И вот тут, анализируя пережитые годы, в мучительных поисках причин нынешней ситуации, приходишь к выводу, что уже тогда начали упускать время, запаздывать с практическим запуском перестроечных мер. Нельзя сказать, что после съезда наступил какой-то спад в работе. Нет, руководство трудилось, не покладая рук. После съезда Горбачев совершил ряд важных поездок по стране: в Куйбышевскую область, на Дальний восток, в Краснодарский край.

* * *

Исключительно насыщенной была и международная деятельность. В апреле Горбачев возглавлял делегацию КПСС на XI съезде СЕПГ, в июне – на X съезде ПОРП, в июле принимал участие в заседании Политического консультативного комитета стран Варшавского Договора в Будапеште. Кардинальные проблемы развития и обновления сотрудничества между соцстранами были обсуждены на состоявшейся в Москве 10–11 ноября встрече руководителей партий соцстран – членов СЭВ. Я готовил эти акции и принимал в них участие. В октябре состоялась советско-американская встреча на высшем уровне в Рейкьявике, которая положила начало широкому и плодотворному диалогу между двумя странами, приведшему к заключению в последующем важнейших соглашений.

В ноябре Горбачев нанес визит в Индию, положивший начало новой полосе отношений с этой крупнейшей азиатской страной.

Все это в немалой степени способствовало популяризации идей перестройки, укреплению политических позиций нового советского руководства внутри страны и за рубежом. В этот же период состоялись важные меры практического характера. К числу их следует отнести принятие в ноябре 1986 года Закона об индивидуальной трудовой деятельности, который по-новому поставил вопросы в этой сфере, способствовал изменению отношения к ней, хотя, конечно, не решил многих вопросов.

Было большое желание действовать, идти вперед, решать возникающие конкретные вопросы, не дожидаясь выработки общей концепции. Но принимаемые меры не всегда просчитывались на перспективу, не всегда оценивались с точки зрения конечных результатов.

Характерным в этом отношении явилось введение системы государственной приемки продукции на промышленных предприятиях. В принципе и тогда многим, в том числе и мне, было ясно, что эта мера не может дать кардинального решения вопроса с качеством продук-

ции. Лучшим оценщиком и контролером продукции является потребитель. В этой функции никто его заменить не может, – никакая строгая государственная инспекция. Но потребитель может реально воздействовать на качество продукции только посредством рынка, причем сбалансированного рынка, предполагающего конкуренцию между производителями за наилучшее удовлетворение общественной потребности. Но о такой системе контроля пришлось лишь мечтать. Нормальный рынок оставался недостижимым и было трудно сказать, когда он появится. А качество продукции надо повышать немедленно.

В таких условиях и введена эта паллиативная мера. Собственно, она была срисована с системы приемки продукции в военно-промышленном комплексе. Но там царили другие условия: сбыть эту продукцию, кроме военных, некому. К тому же военный заказ довольно выгоден.

В гражданских же отраслях госприемка, если и сыграла положительную роль, то только на самом первом этапе – и скорее не за счет экономических, а психологических факторов. В дальнейшем же она с неизбежностью стала перерождаться, обрастать так называемыми неделовыми отношениями, а попросту взяточничеством и через несколько лет от нее пришлось полностью отказаться.

Другой пример – кампания по борьбе с пьянством и алкоголизмом. В мае 1985 года состоялись печально знаменитые решения по этому вопросу, искусственно вызвавшие появление очагов социальной напряженности. Не все тогда соглашались с драконовскими методами. В частности, экономические органы. Но их сопротивление было сломлено. С особой энергией и, я бы сказал, остервенением вели эту линию, Секретариат и КПК при ЦК КПСС под руководством Лигачева и Соломенцева, неоднократно обсуждая эти вопросы на своих заседаниях, устраивая суровые проборки руководителей областей и отраслей за недостаточно быстрое сокращение производства алкоголя.

Я помню, что КПК наказал в партийном порядке и снял с работы одного из заместителей министра здравоохранения СССР за брошюру, написанную им еще до указа, в которой говорилось о культуре употребления алкоголя.

Нельзя сказать, что кампания по борьбе с пьянством и алкоголизмом была во всем ошибочной. Достаточно указать на то, что резко сократилось пьянство на работе, производственный и транспортный травматизм, было покончено с пьяным ритуалом приема гостей из Москвы на местах. Я помню, как облегченно вздохнули все, когда поездки в командировки были избавлены от обязательных выпивок и подношений.

Но методы борьбы с пьянством и алкоголизмом породили серьезнейшие негативные последствия, которые перечеркнули и то положительное, что могло бы быть достигнуто. Они никак не соответствовали духу перестройки, носили принудительный, нажимной характер, по формуле: цель оправдывает средства. Это стало предметом иронии и насмешек, вызвало серьезное социальное недовольство, не говоря уже об экономических последствиях: остановились пивоваренные заводы, пропало новое оборудование, закупленное для них на миллионы рублей, кое-где стали вырубаться виноградники, нанесен ущерб продовольственному комплексу.

* * *

В течение года после съезда, вплоть до января следующего, на Пленумах ЦК КПСС не обсуждались и не решались кардинальные вопросы перестройки. Возник своеобразный тайм-аут, а ожидания в обществе росли: семена обновления в сознание людей были уже брошены.

Чем это объяснить? Пожалуй, в первую очередь трудностью и ответственностью первых шагов. С чего начать, в какой последовательности проводить комплекс мер, о которых

в принципиальном виде шла речь на съезде партии? Колоссального напряжения в работе, концентрации сил и средств потребовала чернобыльская катастрофа. Я хорошо помню тот день, когда Горбачев собрал членов Политбюро и секретарей ЦК и сообщил об этом несчастье. В первое время было очень трудно оценить масштабы случившегося, тем более, что ни у кого в мире не было опыта на сей счет, хотя чувствовалось, что произошло нечто чрезвычайное и могущее иметь грозные последствия для страны.

Все последующие недели и месяцы, вплоть до сооружения саркофага и принятия мер по предотвращению загрязнения вод Днепра, проходили под гнетом нависшей опасности и напряженных усилий по ограничению последствий катастрофы.

В дальнейшем при обсуждении обстоятельств, связанных с чернобыльской трагедией, в печати настойчиво муссировалась версия о том, что советское руководство, якобы не дало своевременной и полной информации о происшедшем, что-то скрывало.

Действительно, объемы и характер информации тщательно обсуждались и взвешивались. Прежде всего с точки зрения достоверности, а также адресности – что давать для печати, что для местного населения, что для других государств и международных организаций. Но могу засвидетельствовать, что какой-то утайки информации и в мыслях не было. В общем же чернобыльская катастрофа оказалась настоящим потрясением для страны, показавшим, насколько хрупко наше мироздание, перед какими грозными опасностями стоит человечество.

Послесъездовская заминка в практических действиях частично может быть объяснена составом ЦК, его Политбюро, обновление которых продолжалось и в 1987, и в 1988 годах. В течение 1987 года членами Политбюро стали Слюньков, Яковлев и Никонов. Ушли из руководства партии Кунаев, Алиев, а также Зимянин. Но и на этом вопросы обновления руководства нельзя было считать решенными.

Я думаю, что в какой-то мере начали проявляться и осторожность, и осмотрительность Горбачева. Их трудно, особенно в этот период, ставить ему в вину с учетом исключительной ответственности тех шагов, которые надо было предпринять, ведь они имели по существу необратимый характер. Может быть, в определенной мере сказалась и эйфория, вызванная огромным интересом к преобразованиям в нашей стране, и возникший во всем мире беспрецедентный рост популярности советского руководства.

Решающие шаги в переходе к практическому осуществлению перестройки были сделаны в следующем, 1987 году.

«Бунт Ельцина»

Еще осенью 1986 года было принято решение провести Пленум ЦК по вопросам кадровой политики партии. Выбор этой проблемы не был случайным. Осуществление нового политического курса во многом упиралось в необходимость кадровых перемен в центре и на местах. Нужны были новые люди, не отягощенные старыми представлениями, формами и методами работы, не интегрированные в изжившую себя систему управления, или, во всяком случае, способные освободиться от нее, перестроиться на новый лад.

Отделы ЦК подготовили обширный материал, увесистый том, сведенный на последнем этапе Отделом организационно-партийной работы под кураторством Лигачева.

Там было все, относящееся к работе по выдвижению, расстановке, подготовке руководящих кадров, формам и методам работы с ними. Обозначена специфика работы с кадрами в различных сферах деятельности, давалась и критика состояния дел, и примеры как положительного, так и негативного порядка, но отсутствовало главное – дыхание времени, широкий общественно-политический фон перестройки, какое-либо продвижение вперед в нашем понимании ее процессов. По сути, это была кадровая рутинка, в плену которой мы находились долгие годы. А ведь по идее, Пленум должен был стать первым крупным шагом в перестройке.

Настроение у Генерального секретаря было другое: начать с глубокого и масштабного анализа изменений, происходящих в стране, и только на этом фоне дать рассмотрение кадровой политики, исходя из того, что мы должны научиться жить и работать в условиях демократии.

Именно такого рода соображения Горбачев и излагал на совещании рабочей группы по подготовке к Пленуму 19 ноября, в котором участвовали: Яковлев, я, Разумовский, Лукьянов, Болдин, Разумов, Биккенин. С учетом этого сформулировано и название доклада – не просто о кадровой политике партии, а о перестройке и кадровой политике.

В ходе оживленной дискуссии созрело понимание того, что значимость Пленума надо вывести на уровень апрельского Пленума и XXVII съезда КПСС, продвинуться вперед в понимании смысла и значения перестройки, что центральной идеей Пленума должна быть демократизация общества. «Если мы этого не сделаем, – говорил Яковлев, – то оставим чувство горечи, остановки, торможения».

Поддержав эту мысль я высказался за то, чтобы не ограничиваясь констатацией перестройки как переходного периода, попытаться раскрыть его содержание: переход от чего и к чему – такой вопрос возникает в обществе и на него надо давать ответ.

Начался трудный поиск путей реализации намеченного замысла. Никак не давалась структура доклада. Неоднократные встречи с Горбачевым постоянно приближали нас к искомому результату, но все же он не приносил удовлетворения. Пленум, как помнится, даже переносился один или два раза, что породило слухи и пересуды о том, что, дескать, в руководстве возникли противоречия, что линия Горбачева натолкнулась на непонимание и сопротивление.

В Волынском шла не просто литературная работа, а обсуждение кардинальных проблем реформирования нашего политического строя. Я вспоминаю, как, например, непросто родилась идея перехода от формальной к действительной выборности руководящих органов партии и первых секретарей партийных комитетов. Мы втроем (Яковлев, Болдин и я, несколько раз в разговоре принимал участие Разумовский) все время возвращались к одному и тому же пункту наших рассуждений: откуда проистекает всевластие, вельможность, вседозволенность, бесконтрольность первых лиц партийных комитетов, начиная от райкомов

и кончая республиканскими парторганизациями. А ведь именно на этой почве возникают всякого рода злоупотребления.

Вроде бы процедуры демократичные: все выбираются, и все отчитываются – партийный комитет, бюро, первый секретарь – но характер этой выборности таков, что в 99 процентов случаев из 100 гарантируются выборы того руководителя, который согласован вверху. Это происходит, во-первых, благодаря открытому голосованию, и, во-вторых, благодаря безальтернативности.

Годами и десятилетиями такая система работала без сбоев и приучила руководителей не считаться с мнением низов, рядовых членов партии, членов партийных комитетов, не говоря уже о массе населения. Руководители привыкли смотреть только наверх, стараться быть угодными вышестоящим начальникам – даже не органам, а именно отдельным лицам.

Вывод таков: все дело в характере выборов – открытом голосовании и безальтернативности. Так и родилось предложение о распространении тайного голосования и альтернативности на выборах первых руководителей. Эта, казалось бы, небольшая новация заключала в себе настоящую революцию и имела далеко идущие последствия. Пришлось приложить немало усилий к тому, чтобы доказать и в Политбюро, и в партийном активе необходимость такой меры.

Наконец, материал был скомпонован, и вновь мы в том же составе (Яковлев, Болдин и я) оказались в Завидове. И только там опять в ходе размышлений, жарких дискуссий окончательно сложились основной круг идей и структура доклада. Мы полностью отдавали себе отчет в том, что этот доклад и Пленум дадут импульс преобразованию всей системы политических институтов, скажутся впоследствии на кардинальном изменении роли партии в обществе, превращении ее из фактора государственной власти в действительно политическую партию.

В связи с этим мы пришли к выводу, что общих решений XXVII съезда КПСС может оказаться недостаточно. Родилась идея проведения на полпути до очередного съезда Всесоюзной партконференции, которая могла бы обсудить ход перестройки и задачи по ее углублению прежде всего в сфере политического управления.

* * *

19 января состоялось обсуждение доклада на Политбюро. Судя по выступлениям, оно произвело на членов Политбюро большое впечатление. С развернутой оценкой и замечаниями выступили все присутствующие – члены Политбюро, кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК. Все дали не просто положительные, а очень высокие оценки докладу, хотя мотивы, я думаю, были различными: у одних – более искренние, у других – в силу старых, далеко не лучших традиций во всем поддерживать руководство.

Конечно же, не осталось незамеченным и указание на главную причину, поставившую страну на грань кризиса, которая состояла в том, что «ЦК КПСС, руководство страны прежде всего в силу субъективных причин не смогли своевременно и в полном объеме оценить необходимость перемен, опасность нарастания кризисных явлений в обществе, выработать четкую линию на их преодоление». Вокруг этого возникла микродискуссия. Вот отдельные высказывания:

Горбачев: «Вопрос поставлен в плоскость ответственности ЦК, а значит и нас, тех кто здесь сидит».

Долгих: «С личностной, человеческой точки зрения может быть и не стоило бы ворошить прошлое».

Ельцин: «За положение дел в 70-х годах виновно Политбюро того состава».

Шеварднадзе: «В Политбюро в те годы не было коллегиальности, решения часто принимались узкой группой лиц, минуя Политбюро».

Выступление Ельцина тогда воспринималось просто как несколько более критичное, чем другие, а не как выражение особой позиции. Лишь потом стало ясно, что за ним скрывается и нечто большее. Это были суждения и по очень важным, существенным вопросам, но и мелкие замечания, чисто терминологического характера, в духе распространенных в то время понятий и догм. Он, например, возразил против термина «производственная демократия», сославшись на то, что в свое время его критиковал Ленин. Предложил более твердо сказать о восстановлении веры в партию, убедительно раскрыть вопрос о роли местных Советов.

Ельцин выразил несогласие с завышенной оценкой перестройки: «Большой контраст в оценке доапрельского и послеапрельского периодов. Во многих эшелонах не произошло ни оздоровления, ни перестройки. Критика идет пока в основном сверху вниз. Мы никак не можем уйти от нажимного стиля в работе и что это идет от отделов ЦК».

Ельцин предложил пополнить перечень территорий, пораженных застоем, и вместе с тем дать оценку перестройки по крупным организациям. Тут явно содержался намек на Москву. В докладе, действительно, отсутствовали ссылки на московскую и ленинградскую партийные организации, традиционные в прошлом, когда считалось, что они всегда были впереди.

Между тем в Москве шли очень сложные процессы. Приход Ельцина к руководству в столице кардинально изменил обстановку в ней. Москва превратилась из зоны, свободной от критики в зону насыщенной, концентрированной критики, и тон в ней задавал первый секретарь. Началась яростная борьба с застоем, привилегиями, с нарушениями дисциплины, массовая замена кадров. Но положение дел в городе в жилищно-коммунальном хозяйстве, на транспорте, в торговле, в поддержании порядка менялось очень медленно. Начали сказываться и перехлесты в кадровой политике.

Такая информация доходила до руководства ЦК, вызывая определенную озабоченность – ведь столица есть столица. Какое-то внутреннее беспокойство и настороженность проявилась у московского руководителя.

Должен сказать, что критический настрой Ельцина, его динамизм на фоне инертности многих руководителей мне импонировали. Случайно сохранился листок бумаги, на котором мы с Яковлевым обменялись репликами по поводу выступления Ельцина на этом заседании Политбюро:

- Я – А. Н.: «Оказывается, есть и левее нас, это хорошо».
- А. Н. – мне: «Хорошо, но я почувствовал какое-то позерство, чего не люблю».
- Я – А. Н.: «Может быть, но такова роль».
- А. Н. – мне: «Отставать – ужасно, забегать – разрушительно».

В заключительном слове Горбачев, поблагодарив за анализ и оценки, подчеркнул, что через Пленум мы выходим на новые рубежи теории, политики, новые подходы ко многим вопросам. Всем нам надо учиться работать в условиях демократии.

Кратко, но довольно весомо докладчик ответил на замечания Ельцина в том смысле, что, конечно, нельзя впадать в самоуспокоение и тем более в самовосхваление, но в то же время было бы неправильно и принижать значение того перелома, который происходит в стране. Он подчеркнул, что нам нужна перестройка, а не перетряска, как это иногда понимают некоторые горячие головы.

Все это не выходило за пределы нормальных дискуссий в Политбюро. Борис Николаевич воспринял эту реакцию болезненно. Все разошлись, а он остался сидеть в своем кресле, не скрывая своих тяжелых переживаний. Пришлось вызывать врача, но его помощь, кажется, не потребовалась.

27 – 28 января состоялся Пленум ЦК. Выступили 34 оратора из 77 записавшихся. Надо прямо сказать, что уровень выступлений на Пленуме был значительно ниже доклада, несмотря на то, что члены ЦК заранее были ознакомлены с его основными идеями. К сожалению, в дальнейшем это стало дурной традицией. Естественно, постановление Пленума было принято в духе доклада. В основном одобрен также проект Закона о государственном предприятии для вынесения его на всенародное обсуждение.

Решены и персональные вопросы. От обязанностей члена Политбюро был освобожден Кунаев, а от обязанностей секретаря ЦК Зимянин. Яковлев был избран кандидатом в члены Политбюро, а Лукьянов – секретарем ЦК КПСС. Место Лукьянова как заведующего Общим отделом ЦК занял Болдин.

М. С. Горбачев пригласил меня с Яковлевым и Болдиным на дружеский ужин, на котором присутствовала и Раиса Максимовна. Он проходил в комнате рядом со служебным кабинетом Горбачева в Кремле, как принято было называть «на высоте». Шел непринужденный товарищеский разговор. Настроение у всех приподнятое, ведь пройден очень важный начальный рубеж перестройки.

Пленум действительно дал мощный стимул к усилению процессов демократизации в стране и в партии. Его решения, помимо того, что они подготовили политическую, психологическую почву для коренной реформы политической системы, имели и прямое действие. На них стали ориентироваться прогрессивные силы в партии, беря на практическое вооружение его идеи, установки, не дожидаясь формальных постановлений. Демократические начала стали все полнее входить в жизнь трудовых коллективов, регионов, в весь механизм общественного управления.

* * *

В 1986 году экономическая ситуация в стране несколько улучшилась, что естественно, связывалось с позитивным влиянием перестройки, и это было, по-видимому, действительно так. Сказались общественный подъем, повышение дисциплины и организованности. В результате удалось в полтора раза, с 2,4 до 3,3 процента увеличить прирост валового национального продукта, с 3,4 до 4,4 – продукции промышленности, с 0,2 до 5,3 – сельского хозяйства.

Я думаю, это расхолаживающе подействовало на руководство, усыпило в какой-то мере бдительность и снизило решительность в проведении экономической реформы.

И вдруг в январе произошел сбой. Возникли трудности с топливом и энергией, с некоторыми видами проката и шарикоподшипников, а также с продуктами химической промышленности. Наступил спад производства, который, впрочем, в дальнейшем удалось локализовать и нейтрализовать. Он был воспринят тогда как результат стечения некоторых неблагоприятных обстоятельств. Но в действительности это был первый признак серьезной болезни, звонок глубокого экономического кризиса, в полную силу развернувшегося через два – три года. Именно такой срок был отведен жизнью для проведения радикальной реформы, хотя в полной мере мы тогда этого еще не осознавали.

Январский сбой стимулировал возвращение к радикальной экономической реформе, работа над которой до этого шла вяло, вразброс, без должной концентрации внимания и сил. Уже в начале марта, находясь в кратковременном отпуске в Пицунде, Горбачев вел интенсивные переговоры по этим вопросам с руководителями правительства, учеными. По его поручению и я подготовил и направил ему свои соображения.

Вернувшись из отпуска Горбачев пригласил к себе Рыжкова, Слюнькова, Яковлева, меня, Болдина, Можина, Биккенина, Аганбегяна, Ситаряна и Абалкина. Состоялся развернутый четырехчасовой разговор по концепции очередного Пленума и подготовке необходимых

для него материалов. Разговор до предела откровенный. Все сходились на том, что должна быть разработана целостная система управления экономикой. Об этом говорили и Рыжков, и Аганбегян, и Абалкин. Только комплексный подход мог дать шанс на успех.

Но уже на этой стадии обнаружилось серьезные различия в подходах. Особенно острая дискуссия развернулась по вопросу об объемных показателях. Как заметил Горбачев, представители государственных органов управления – за то, чтобы объемные показатели держать в руках планирующих органов, а ученые – за то, чтобы обеспечивать регулирование производства через экономические методы и нормативы.

Рыжков сетовал, что правительство начинает терять нити управления материально-техническим снабжением, что цены тоже нельзя упускать и т. д. Делались ссылки на ситуацию в легкой промышленности, которая заключила договора с торговлей на 3 млрд. меньше, чем предусматривалось планом, и этим мотивировалась необходимость директивных заданий для предприятий отрасли. Но возник резонный вопрос – зачем же задания на эти 3 млрд. продукции, если на них торговля не предъявляет спроса?

Об остроте дискуссии можно судить по замечанию Абалкина: «Нельзя предложения по перестройке поручать тем, кого она касается». Справедливость его слов была подтверждена всем последующим ходом событий.

В дальнейшем подготовка Пленума шла как бы по двум руслам. В Волынском силами ученых и работников ЦК КПСС – Анчишкина, Аганбегяна, Абалкина, Ситаряна, Можина, Биккенина, Ожерельева – развернулась подготовка общей концепции реформы в виде тезисов, а затем и самого текста доклада. С этой группой постоянно работал я, привлекая и других товарищей, в том числе Павлова, Попова, Белоусова. Впервые был приглашен к работе группы Петраков, ставший впоследствии помощником Горбачева.

Одновременно в правительстве с участием Слюнькова шла работа над пакетом постановлений по конкретным компонентам хозяйственного механизма, и по мере готовности эти документы выносились на заседания Политбюро. В частности, обсуждались финансовая ситуация в стране и предложения по перестройке финансово-кредитного механизма, ценообразованию, об изменении планирования и материально-технического снабжения, управления научно-техническим прогрессом, предложения о структуре и функциях органов управления и некоторые другие.

На каждый из этих проектов, с учетом общей концепции реформы, нами в Волынском давалась развернутая оценка, которая широко использовалась Горбачевым в ходе обсуждения.

Практически каждый раз пришлось и мне высказывать нелюбимые замечания по проектам правительства. На этой почве нередко возникали перепалки с Рыжковым, болезненно воспринимавшим критические замечания, мои отношения с ним временами становились напряженными.

В чем суть этих споров? Конечно, проекты, выходящие из недр правительства, не могли не откликаться на насущные потребности перестройки экономического механизма. Но это было отступление с боями, сопротивление оказывалось на каждом рубеже. Можно было почти физически ощущать насколько был труден и мучителен для правительственных структур отход от сложившихся стереотипов, централистских методов управления.

Постепенно выявилась их позиция, на которой решено было «застолбиться» и дать главный бой сторонникам радикальных экономических перемен. Она касалась трактовки контрольных цифр и госзаказа. По сути дела речь шла о том, чтобы предложить новые термины, но сохранить в этом облачении старую систему централизованного планирования. Контрольным цифрам по объему продукции в рублях стремились придать обязательный характер, а госзаказ, навязываемый сверху, распространить на подавляющую часть номен-

клатуры производимой продукции. Таким образом, в рамках жесткой централизации оставались и объем продукции и ее номенклатура.

Наша позиция, которую поддерживал и Горбачев, состояла в том, что контрольные цифры могут носить для объединений и предприятий лишь ориентировочный характер. В основном же они должны использоваться на макроуровне для изучения и регулирования народнохозяйственных пропорций. Что касается госзаказа, то он должен выдаваться предприятиям на поставку лишь, некоторых видов продукции для удовлетворения особо важных государственных и общественных потребностей. Он должен стимулироваться и ценами, и гарантированным обеспечением ресурсами, не навязываться предприятиям, а быть выгодным для них.

В правительственных проектах явно прослеживалась тенденция к затягиванию сроков осуществления ценовой реформы, перехода к оптовой торговле средствами производства, причем, применялся казавшийся их авторам неотразимым аргумент: оптовая торговля хорошо, но переход к ней невозможен до тех пор, пока не преодолен дефицит в ресурсах. С немалым трудом удалось внедрить истину, что дефицит ресурсов сам является неизбежным следствием карточной системы распределения ресурсов, неизбежно порождается ею. Образуется порочный круг, который надо разрубать, иначе ни на шаг не продвигаться вперед.

Пакет правительственных документов дорабатывался вплоть до Пленума, но с моей точки зрения, так и не был доведен до состояния, адекватного докладу. Я считал, что их не следует принимать на Пленуме, а лишь одобрить в основном, а после этого подвергнуть доработке с учетом итогов Пленума. Чтобы иметь официальную концепцию реформы, мы предложили принять на Пленуме адекватный докладу документ – «Основные направления перестройки управления экономикой». Так и было сделано: такой документ был подготовлен в Волынском и предложен Политбюро, а затем и Пленуму.

* * *

После некоторого перерыва, вызванного совещанием ПКК в Берлине, и состоявшегося сразу после этого визита Горбачева в Бухарест, в которых я также принимал участие, наступила заключительная фаза работы над подготовкой доклада, в которой помимо Генерального секретаря участвовали Яковлев, Слюньков, Болдин и я.

В субботу, 20 июня, уже после того, как доклад разослали членам Политбюро, в Волынском произошло решающее объяснение по тем вопросам, которые были предметом горячих споров на протяжении всех этих месяцев. В Волынское прибыли Рыжков с помощником и, по-моему Талызин. В результате еще одной дискуссии в проекте документов Пленума вместо туманных формулировок включено ясное указание на то, что контрольные цифры не имеют директивного характера. Вместе с тем в перечень контрольных цифр включен не только объем продукции, но и платежи в бюджет, а также показатели научно-технического прогресса и социального развития.

22 июня доклад обсужден на заседании Политбюро, в ходе которого был воспроизведен по сути дела весь спектр мнений, выявившийся задолго до этого. Заслуживает быть упомянутым, пожалуй, лишь одно – позиция Ельцина, который, как я хорошо помню, высказался в том духе, что Пленум и особенно конкретные правительственные постановления недостаточно подготовлены. А еще раньше, по-моему, при обсуждении тезисов, он, правда, в сослагательном наклонении заметил, что не следует ли с докладом на Пленуме выступить Рыжкову?

В отношении пакета правительственных решений внутренне я был согласен с ним. Но откладывать проведение Пленума было уже некуда. И без того было потеряно много вре-

мени. На этом этапе он заключал в себе серьезное продвижение вперед, но все дело состояло в том, чтобы быстрее двинуть вперед разработанные решения.

Что касается самого Пленума, состоявшегося 25–26 июня, то тут повторилась та же картина, что и в январе. Несмотря на то, что члены Пленума располагали и тезисами, и пакетом документов, уровень их выступлений слабо корреспондировался с постановкой в докладе проблем кардинальной экономической реформы. Опять обилие общих оценок и заверений, увлечение сравнительно узкими местными или отраслевыми вопросами.

Значимость Пленума была подчеркнута принятием постановления о созыве XIX партийной конференции. Изменился состав Политбюро, пополненный Слюньковым, Яковлевым и Никоновым. Кандидатом в члены Политбюро избрали Язова, сменившего на посту министра обороны СССР Соколова.

Как известно, толчком для этой замены послужил казус с полетом и приземлением на Красной площади Руста. Об этом мы узнали в Берлине, и возмущению порядками в Вооруженных Силах не было предела. На обратном пути в самолете, обсуждая это событие с Михаилом Сергеевичем, Шеварднадзе и я, не сговариваясь, посоветовали ему принять самые срочные и жесткие меры по этому поводу, в том числе в отношении руководства Министерством обороны. Как выяснилось на Политбюро, такой же позиции придерживались и все другие наши коллеги.

Вечером в Волынском собрались Яковлев, Болдин, Лукьянов, Разумовский, был и Кручина, поздравили нового члена Политбюро. А на следующий день Михаил Сергеевич, как и в январе, пригласил нас с Яковлевым и Болдиным на дружеский обед в Кремле.

Повторю, я воспринимал это как знак дружеского доверия и признательности и как случай для обсуждения ситуации. Мне казалось, что этим жестом Горбачев, как и в январе, хотел также снять некоторую неловкость, которая возникала в связи с тем, что Яковлева он продвинул в Политбюро, а я оставался в прежнем качестве. Кое-кто из нашептывателей пытался поиграть на этом, но я с пониманием относился к шагам Генсека, зная обстановку на идеологическом участке и понимая необходимость укрепления позиций Яковлева.

Непросто, в трудных поисках, столкновении мнений рождался план проведения реформы. С учетом печального опыта реформы середины 60-х годов, на сей раз исходным моментом был определен перевод на новые методы работы первичного звена народного хозяйства. Попытки в прошлом начать преобразования с верхних этажей не удавались, встречали сильнейшее сопротивление прежде всего со стороны тех органов управления, которые должны были сами ограничить свои права.

Замысел состоял в том, чтобы в низовых звеньях создать бастионы новых экономических структур и затем, опираясь на них, перестраивать экономический механизм на более высоких этажах. По мысли авторов реформы несущей конструкцией и своеобразным камертоном при принятии и осуществлении всех других решений по хозяйственной реформе должен служить Закон о предприятии, принятый Верховным Советом СССР 30 июня. Его решено было ввести в действие через полгода, с 1 января 1988 года.

Одновременно предполагалось развернуть постепенный переход на оптовую торговлю средствами производства, перестроить финансово-кредитную систему и готовить реформу ценообразования, чтобы провести ее в начале 1989 года. Имелось в виду, что переход на новые методы хозяйствования позволит вначале укрупнить отраслевые министерства, а затем постепенно их упразднить. Вместе с тем партийные органы постепенно освободились бы от функций экономического управления.

* * *

Таким образом, предполагался некий переходный период сосуществования старых и новых методов хозяйствования продолжительностью примерно в 3–4 года. Можно, конечно, по-разному оценивать план реформы 1987 года. Я и сегодня считаю, и не потому, что причастен к ней, что она была серьезной попыткой экономических преобразований, прогрессивна для своего времени, и что очень важно – комплексно решала основные проблемы. С точки зрения сегодняшнего дня некоторые ее важные слагаемые представляются недостаточными, робкими, компромиссными и даже наивными, но надо было начать реформу, а жизнь помогла бы выработать дальнейшие шаги, внести коррективы.

Необоснованно растянутыми оказались сроки реализации намеченных мер. Мы правильно оценили ситуацию в экономике страны в середине 80-х годов как предкризисную. Как показал дальнейший ход событий более или менее сносная конъюнктура сохранялась в течение 1987–1988 годов, а уже в 1989 и особенно в 1990 годах кривая отчетливо пошла вниз. Это значит, что времени на осуществление радикальной экономической реформы нам было отпущено не 3–4 года, а значительно меньше. Надо было принимать экстраординарные меры, решительно переходить к рыночным отношениям.

Произошло же нечто обратное – некое самоуспокоение и даже отступление от принятой программы экономических реформ. Подспудно активизировались инерционные, консервативные силы в недрах того аппарата, который был призван практически реализовать принятые решения. Предприятия стали душить госзаказом, обволакивать системой нормативов. Не происходило и реальных подвижек в переходе к оптовой торговле средствами производства. Оказывалось яростное сопротивление упрощению и сокращению управленческих структур.

По-существу та борьба, которая велась при подготовке Пленума, не прекратилась и после него, напротив, разгорелась с новой силой. Тут многое зависело от Рыжкова, к которому в руководстве сохранялось полное доверие. Я думаю, он не был противником реформы, и тем более его трудно заподозрить в какой-то двойной игре. Но он находился под сильнейшим давлением со стороны могущественных экономических структур, не мог ему противостоять.

Меня особенно встревожил начавшийся спустя несколько месяцев после Пленума отход от реформы ценообразования. Госплан, Минфин и Госкомцен стали выдвигать различного рода урезанные ее варианты, например, провести только реформу оптовых цен, не затрагивая розничных, что было равнозначно отказу от общей реформы ценообразования. Такие предложения вносились в Политбюро, а правительство при этом занимало выжидательную позицию.

Массированная кампания против пересмотра розничных цен с чисто популистских позиций была развернута в печати. Никакого противодействия ей не оказывалось. От реформы цен начали отворачиваться и ученые... – те самые, которые были ее соавторами.

В середине августа 1987 года у меня состоялся разговор с Горбачевым, который находился в это время на юге. Он спросил:

«Вадим, не изменилась ли твоя позиция в связи с тем, что мнения по вопросу о ценообразовании разделились и произошла их поляризация?»

«Нет, не изменилось и не изменится, ибо это сама судьба реформы. Без нее все разговоры о перестройке экономического механизма – пустопорожняя болтовня. Конечно, лучше было бы проводить реформу в 1987 году или в 1988, но отодвигать ее и с 1989 года – это безрассудство».

Горбачев поручил мне посоветоваться с учеными и высказать обитую точку зрения. В дальнейшем у меня произошло несколько встреч со своими коллегами – экономистами, и я убедился: большинство из них пришло к выводу, что реформу ценообразования в ближайшее время проводить нельзя. Последний разговор состоялся 6 ноября с участием Абалкина, Петракова, Шаталина, Куликова и Ожерельева. По сути, я оказался в изоляции. В какой-то мере лишь Петраков занимал приемлемую позицию. Я без обиняков назвал такое мнение коллег отступничеством. Самый легкий путь: вместо того, чтобы пойти против сиюминутных общественных настроений, двигаться вперед, предлагают все затормозить и тем самым обречь реформу на неудачу: ведь дальше нас ничего хорошего не ожидает.

В итоге сложился своего рода консенсус между правительственными кругами, учеными, прессой и общественным мнением. Причем, позиция правительства была примерно такой: «Мы-то не против, но видите, какое настроение в стране».

Тут нужно было проявить огромную настойчивость, твердую волю, пойти против течения. Запас политической прочности, авторитета власти, доверия к ней, да и экономическая ситуация позволили еще в 1988 и даже в начале 1989 года начать болезненные, но необходимые экономические меры. К сожалению, этого сделано не было.

А затем обстановка стала быстро меняться. Нарастание экономических трудностей, дезорганизация потребительского рынка и денежного обращения из-за утраты контроля над денежными доходами населения, принятия под давлением популизма нереальных социальных программ и т. д. Всплеск политических страстей, начавшееся противоборство левой и правой оппозиций, падение авторитета Горбачева вообще поставили под вопрос осуществление радикальных экономических реформ.

С осени 1988 года я стал меньше заниматься экономическими делами в связи с переменами в моей деятельности, о которых я скажу ниже. Но, участвуя в работе Политбюро и Секретариата, с тревогой наблюдал, как быстро ухудшается экономическая ситуация и уходит время реформ. И не только наблюдал, но и высказывал свое мнение на этот счет, но оно каждый раз воспринималось правительством как вторжение в чужую епархию. Повидимому, и у меня сказывалось все-таки недостаточное понимание опасностей, нависших над экономикой, не были использованы полностью все возможности влияния на Горбачева. Я это говорю не в порядке оправдания, ибо оправдания нет и быть не может. Я, как член Политического руководства того времени, не могу снять с себя ответственность за то, к чему мы пришли в экономике, в других сферах жизни.

* * *

Все это было потом, а на 1987 год выпало еще одно событие, оказавшее большое влияние на перестройку, формирование ее идеологии, понимание исторических корней и смысла осуществляемых преобразований. Таким событием явилось празднование 70-летия Октябрьской революции.

Дело, конечно, тут не в круглой дате и не в юбилейных торжествах, которые прошли несравненно более скромно и в этом смысле выпадают из обоймы юбилеев, с помпой отмечавшихся в 60-е и 70-е годы. Значение этого события определяется тем, что в связи с ним был поставлен по-новому ряд крупнейших проблем истории советского общества, сделан важный шаг в переоценке традиционных ценностей.

Собственно, эти проблемы стали вставать сразу же, как только мы начали разбираться в истоках застойной ситуации. Было ясно, что причины застоя лежат глубже, в особенностях социально-политической системы, сложившейся на протяжении ряда десятилетий.

По мере проникновения в суть этих проблем становилось все более очевидно, что в 50—60-е годы критический анализ основных этапов «социалистического строительства

в стране» был дан односторонне, главным образом с точки зрения личностного фактора, культа личности Сталина. Да и к тому же он был прерван на полпути, а может быть даже и в его начале. Без возобновления этого процесса и доведения его до конца, без восстановления исторической правды нечего было и надеяться на успех перестройки. Честная, открытая политика в настоящем и будущем требует столь же честной, объективной и реалистической оценки пройденного пути.

Нельзя было не учитывать и то, что демократизация и гласность создали совершенно новую идеологическую обстановку в стране. Произошел в хорошем смысле взрыв в духовной жизни, наступил конец «запретных» тем, касающихся как современной жизни, так и истории.

Подлинным откровением для общественности стали книги, десятилетиями пылившиеся в рукописях или лежавшие в «спецхранах». Среди них «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, «Белые одежды» Владимира Дудинцева, «Зубр» Даниила Гранина, «Новое назначение» Александра Бека, «Ночевала тучка золотая» Анатолия Приставкина, книги авторов русского зарубежья.

Ошеломляющее впечатление произвел фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние». Появились новые, яркие и острые спектакли. Ученые получили доступ к ранее запретным произведениям Бухарина и Троцкого, экономистов Кондратьева и Чайнова, философов Соловьева и Бердяева, нетрадиционных историков. Начался бурный процесс переосмысления исторических событий и личностей средствами публицистики, литературы и искусства. В своей основе он носил здоровый творческий характер, но, естественно, не обходился без субъективных увлечений, односторонности, пережестов, а порой и прямого искажения исторических событий. Одна полуправда нередко подменялась другой.

Надо было активно включиться в этот процесс, чтобы не утратить влияние на него, выработать свои критерии и ориентиры.

Откровенно говоря, весной 1987 года, когда в наших внутренних дискуссиях возник этот вопрос, я высказался против массивного перенесения огня с брежневского периода на 20—50-е годы и как раз не по принципиальным мотивам, а по мотивам своевременности. Я говорил Горбачеву, что еще мало сделано реального в обновлении страны, решении назревших проблем, чтобы можно было на это опереться в критическом осмыслении пройденного пути. В перенесении огня с брежневского застойного периода на предшествовавшие этапы в немалой степени заинтересована определенная журналистская братия, повязанная активным прославлением успехов брежневского правления.

Я считал также, что нельзя проявлять односторонность, давать полный простор одним мнениям, настроениям и ограничивать или вытеснять другие. Это недемократично. В идеологической сфере должен быть представлен весь спектр мнений, суждений, а сама жизнь отберет то, что правильно.

Такую позицию я излагал не только в узких беседах, но и на заседании Политбюро. Но когда в практическую плоскость встал вопрос о подготовке доклада к 70-летию Советской власти и начали вырисовываться его основные контуры, стало ясно, что без обращения к Октябрю и к последующим этапам развития страны — исключительно сложным и болезненным — обойтись невозможно. Горбачев пришел к выводу, что прежде чем выступать с докладом на 70-летию Октября эти вопросы, ввиду их первостепенной политической и идеологической важности, придется вначале обсудить не только на Политбюро, но и на Пленуме ЦК.

* * *

Припоминаю, что еще в середине июля Михаил Сергеевич пригласил к себе секретарей ЦК и ознакомил их с материалами комиссии Шверника по расследованию политических

процессов 30-х годов, созданной при Хрущеве. Это расследование было закончено в 1962 году, а выводы представлены в ЦК. Хрущев информировал о них членов тогдашнего Президиума, но дальнейшего хода им не дал. О содержании этих материалов знал Брежнев, впоследствии они докладывались Андропову и Черненко, но до последнего времени лежали без движения.

28 сентября Горбачев вернулся к этому вопросу и по его предложению была создана комиссия по пересмотру дел 30—50-х годов в составе Соломенцева, Яковлева, Чебрикова, Лукьянова, Разумовского, Болдина и Смирнова (директора ИМЛ). Ей переданы материалы комиссии Шверника, а по мере готовности выводов они докладывались Политбюро. После ухода Соломенцева на пенсию, работу комиссии возглавил Яковлев, а я вошел в ее состав.

В принципе было ясно, что все эти дела сфабрикованы, а потому имелись все основания для того, чтобы поставить вопрос о законности политических процессов 30-х годов в целом, независимо от того, какие обвинения предъявлялись к репрессированным лицам, к каким оппозициям в свое время они принадлежали или наоборот, не принадлежали (последних оказалось подавляющее большинство). Что касается идейно-политических течений в 20-е годы, то они требуют научного анализа и оценки. В таком духе высказывал свое мнение Горбачеву. Позднее я убедился, что работа по оценке процессов 30—50-х годов была необходимой не только с юридической, но и с политической, да и просто с человеческой, точки зрения.

Перед нашими глазами прошли сотни и тысячи исковерканных судеб, в подавляющем большинстве ни в чем не виновных, честных и чистых людей, искренне преданных партии и социализму. В конце пришлось все-таки принять и общее решение об отмене незаконных решений «двоек», «троек» и особых совещаний.

К началу 1990 года реабилитация жертв сталинских репрессий в основном была завершена. Всего реабилитировано 807 тысяч человек, репрессированных по решениям «троек», «двоек» и «особых совещаний», а также 31 тысяча 342 человека по решениям судебных и прокурорских органов. Отказано в реабилитации 21 тысяче 333 лицам – карателей в период Отечественной войны и других преступников, их пособников, а также бывших работников административных органов, уличенных в фальсификации уголовных дел. В пятидесятые годы было реабилитировано 737 тысяч 182 человека, но тогда рассматривались лишь дела тех, кто оставался в живых.

Всего же за 1917–1990 годы по обвинению в государственных преступлениях было осуждено 3 миллиона 853 тысячи 900 человек, из них 827 тысяч 995 – расстреляно. К этому надо добавить 2 миллиона 300 тысяч депортированных, не говоря уже о жертвах голода и других лишениях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.